

Новоизбранный патріархъ александрій- скій Фотій (Пероглу).

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Александрійскія и константинопольскія греческія газеты съ восторгомъ привѣтствуютъ избраніе на александрійскую патріаршую кафедру, вдовствующую со времени кончины (22 авг. 1899 г.) глубокаго старца патріарха Софронія IV, — хорошо извѣстнаго на православномъ Востокѣ и популярнѣйшаго среди клириковъ сіонской церкви, митрополита назаретскаго *Фотія Пероглу*. Избраніе это, совершившееся съ рѣдкимъ въ подобныхъ случаяхъ единодушіемъ всѣхъ участниковъ (ἐν συντηρίᾳ πάντων τῶν στο:χέων), имѣвшихъ право голоса, какъ свидѣтельствуесть официальная телеграмма египетскаго правительства, отправленная въ Высокую Порту съ просьбою объ утвержденіи султаномъ состоявшихся выборовъ, является въ религіозной жизни современнаго православнаго Востока событіемъ знаменательнымъ и выдающимся. Высокопреосвященный Фотій въ первомъ засѣданіи избирателей получилъ 124 избирательныхъ голоса, а во второмъ *даже* 159 изъ 169 голосовъ, что, по всей справедливости, признается греческою печатью почти *единогласнымъ избраніемъ* (ὁμόφωνησις). Причина такого рѣдкаго единодушія въ средѣ избирателей кроется, съ одной стороны, въ горячемъ желаніи всѣхъ, близко стоящихъ къ кафедрѣ александрійской церкви, благъ мира и всякаго преусуспѣянія этой знаменитой церкви, а съ другой, въ личности предложеннаго кандидата, какъ „іерарха, выдаю-

щагося умомъ и неутомимою дѣятельностію, съ которыми онъ исполнять свой долгъ, управляя вѣренною ему митрополіею“¹⁾. И дѣйствительно. при настоящихъ обстоятельствахъ жизни церкви александрійской. въ которыхъ застаеъ ее будущій преемникъ покойнаго патріарха Софронія, лучшаго выбора и трудно было сдѣлать. Привѣтствуя съ избраніемъ на тронъ евангелиста Марка столь достойнѣйшаго изъ іерарховъ на православномъ Востоѣ и присоединяя свою радость къ ликованію избирателей и греческой печати. мы памѣреваемся сообщить нашимъ читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о личности новоизбраннаго патріарха Фотія Пероглу, съ которымъ мы не только хорошо знакомы, но и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ состояли въ дружеской перепискѣ.

Высокопреосвященный Фотій—уроженецъ Константинополя (родился въ 1853 году), гдѣ отецъ его занималъ видный административный постъ на турецкой службѣ. Выдающееся положеніе въ средѣ мѣстнаго греческаго населенія столицы падишаха и вполне достаточное матеріальное обезпеченіе семьи Пероглу дали возможность будущему патріарху получить солидное домашнее и школьное образованіе. По окончаніи греческой школы въ Перѣ, Фотій Пероглу, по смерти уже своего отца, для довершенія образованія поступилъ въ богословскую школу Крестнаго монастыря въ Іерусалимѣ, которую и окончилъ съ блестящимъ успѣхомъ, получивъ, при окончаніи курса, въ 1873 году, санъ іеродіакона и званіе „дидакала богословія“. Время своего обученія въ богословской школѣ высокопреосвященный Фотій вспоминаетъ съ глубокою благодарностію и считаетъ счастливѣйшимъ въ своей жизни, какъ время наивысшаго процвѣтанія своей almae mat-

¹⁾ *Ταχυδρόμος* 1900 ἐτ. № 515. Весьма лестный отзывъ о личности новоизбраннаго патріарха мы находимъ и въ оффиціальномъ органѣ константинопольской патріархіи „*Εκκλησιαστικὴ ἀλήθεια*“ № 2, 1900 ἐτ. σελ. 9—10.

тіѣ, когда среди профессорѣ ея считались образованнѣйшіе люди, оставившіе по себѣ громкую славу на педагогическомъ поприщѣ, какъ. напр.. покойный патриархъ іерусалимскій Герасимъ,—оплакиваемый и доселѣ, недавно почившій ректоръ богословской школы; великій архидіаконъ сіонской церкви, *Фотій великій* (Φώτιος μέγας. Ему противопоставляется всегда высокопреосвященный Фотій Пероглу, и въ отличіе отъ перваго не рѣдко называется *Фотіе.пъ малы.пъ* (Φώτιος μικρός), нынѣ здравствующій митрополитъ іорданскій Елифаній и др.

Послѣ окончанія курса въ Крестной богословской школѣ, молодой, полный силъ и энергіи, іеродіаконъ Фотій былъ отправленъ на родину, въ Константинополь, въ тамошнее Іерусалимское подворье для исполненія обязанностей секретарскихъ и іеродіаконскихъ. какъ владѣющій въ одно и тоже время бойкимъ талантливымъ перомъ и прекраснымъ голосомъ. Выказанныя здѣсь настойчивость и аккуратность въ исполненіи возложенныхъ на іеродіакона Фотія обязанностей, снискали ему благоволеніе, правившаго въ ту пору сіонскую церковь, патриарха Іерооеня, который въ слѣдующемъ, 1874 году, вызвалъ его обратно въ Іерусалимъ и назначилъ на высокій и отвѣтственный постъ патриаршаго секретаря¹⁾. Талантливый, неутомимый, честный и весьма симпатичный по характеру, молодой патриаршій секретарь и здѣсь, въ своей многосторонней и трудной должности, заявилъ себя съ самой отличной стороны, чѣмъ приобрѣлъ себѣ любовь со стороны Святогробскаго духовенства, а у блаженнѣйшаго Іерооеня—такое довѣріе, что сдѣлался, можно сказать, правою его рукою въ дѣлѣ управленія сіонскою церковью. Въ 1879 году о. Фотій сопровождалъ патриарха Іерооеня въ Константинополь для присутствія на соборѣ по вопросу о церковныхъ имѣніяхъ Свя-

¹⁾ По словамъ корреспондента „Церковныхъ Вѣдомостей“, о. Фотій исполнялъ въ это время и обязанности мѣстоблюстителя въ турецкомъ „диванѣ“ или „меджлѣсѣ“ (высшее административное учрежденіе въ провинціальномъ городѣ, къ которымъ принадлежатъ и Іерусалимъ). № 24, 1899 г., стр. 959 прим **.

того Гроба въ Румыніи. Въ 1880 году о. Фотій былъ рукоположенъ въ іеромонаха, а въ слѣдующемъ году возведенъ въ санъ архимандрита, оставаясь по прежнему самымъ близкимъ и довѣреннымъ лицомъ блаженнѣйшаго патріарха Іероодея и, въ качествѣ синодальнаго секретаря, оказывая громадное вліяніе на управленіе дѣлами церкви іерусалимской.

Неожиданная для всѣхъ смерть патріарха Іероодея (1874—1882) 11 іюня 1882 года, вслѣдствіе его паденія съ лошади во время прогулки¹⁾, сдѣлала престолъ брата Божія Іакова вдовствующимъ. На мѣсто скончавшагося патріарха 13 октября того же года былъ избранъ въ преемники 13 голосами противъ трехъ²⁾, уже популярный въ ту пору въ средѣ Святогробскаго духовенства, синодальный секретарь, архимандритъ Фотій. Избраніе это, хотя было встрѣчено и клиромъ сіонской церкви и паствою съ радостію и вызвало всеобщія ликования, но оно, однако, не было утверждено султаномъ. Основаніемъ для кассации послужило официально то обстоятельство, что, избранный въ патріархи іерусалимскіе, архимандритъ Фотій не имѣлъ *каноническаго возраста* (ему не было въ это время тридцати лѣтъ), но дѣйствительная и настоящая причина этого факта лежала глубже.

Уже давно шли серьезные нелады у нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ, во главѣ съ приснопамятнымъ настоятелемъ ея архимандритомъ Антониномъ, съ Святогробскимъ духовенствомъ, и въ послѣдніе годы правленія патріарха Іероодея отношенія эти до того обострились, что одно время едва не повлекли за собою печальную необходимость отозвать неутомимаго и весьма полезнаго начальника нашей миссіи, удержаннаго на своемъ мѣстѣ лишь заступничествомъ покойной императрицы Маріи Александровны. Чтобы уладить эти недоразумѣнія и шероховатости, у нашей дипломатіи давно созрѣ-

¹⁾ Церковн. Вѣстн. 1882 г. № 2, стр. 3, № 29, стр. 9.

²⁾ Тамъ же № 43 стр. 15.

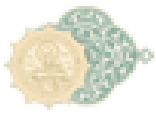
ла мысль возвести на престолъ апостола Іакова лицо, наиболѣе расположенное къ Россіи и хорошо извѣстное у насъ. Выборъ нашей дипломатіи остановился на молодомъ и весьма умномъ оаворскомъ архіепископѣ Никодимѣ, долго прожившемъ въ нашемъ отечествѣ, въ качествѣ управляющаго подворьемъ Святого Гроба въ Москвѣ, и успѣвшемъ себѣ снискать симпатію во всѣхъ сферахъ нашего общества обѣихъ столицъ. Оаворскій архіепископъ Никодимъ, какъ ставленникъ русскій (хиротонисанъ онъ въ Петербургѣ), подавалъ большія надежды въ смыслѣ улучшенія іерусалимскихъ дѣлъ во всѣхъ сферахъ. а поэтому наша дипломатія обратила свои взоры на него и постаралась, затормозивъ каноническіе выборы, добиться передъ султаномъ утвержденія на патриаршемъ престолѣ своего излюбленнаго кандидата. Старанія нашей дипломатіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ¹⁾, и на престолъ апостола Іакова въ декабрѣ 1883 года вступилъ блаженнѣйшій Никодимъ I (1883—1890).

Новый патриархъ, какъ навязанный Святогробскому духовенству извнѣ, былъ встрѣченъ въ Іерусалимѣ съ недовѣріемъ и даже прямою, плохо скрываемою, враждою, которая стала скоро же вынаруживаться. Поводъ къ открытому неудовольствію въ средѣ подвѣдомаго духовенства подалъ самъ же новый патриархъ. съ свойственною ему энергіею и настойчивостію принявшійся за улучшенія во всѣхъ сферахъ жизни ввѣренной его водительство церкви и, въ частности, за исправленія въ жизни подчиненнаго ему духовенства, въ средѣ котораго господствовали и распущенность и своеволие. Недовольные клирики стали группироваться около архимандрита Фотія, который, съ вступленіемъ на іерусалимскій престолъ патриарха Никодима, не только не примирился съ совершившимся фактомъ, но, не признавъ его законнымъ патриархомъ, титуловалъ себя „ὁ ἐψηφισμένος πατριάρχης Ἱεροσολύμων“,

¹⁾ Тамъ же 1883 г., № 39, стр. 12—13; № 38 стр. 6; № 42, стр. 6.

протестовалъ противъ его незаконнаго вступленія на патріаршій тронъ въ посланіяхъ ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ, однимъ словомъ, всталъ къ нему во враждебныя отношенія. Монастырь св. благовѣрныхъ царей Константина и Елены, гдѣ пребываютъ клирики сіонской церкви, подѣлился на двѣ партіи—сторонниковъ новаго патріарха и друзей и приверженцевъ избраннаго въ патріархи, архимандрита Фотія, и, трудно даже сказать, у кого изъ нихъ было больше союзниковъ и единомышленниковъ. Чтобы положить конецъ этому аномальному порядку вещей и чтобы уничтожить гнѣздо всякихъ враждебныхъ начинаній, патріархъ Никодимъ рѣшился на крайнюю мѣру: явныхъ сторонниковъ архимандрита Фотія изгналъ изъ патріархіи, а его самого подъ строгимъ турецкимъ конвоемъ отправилъ въ заточеніе въ Синайскій монастырь, съ наказомъ архіепископу Синайской горы Порфирію зорко слѣдить за поведеніемъ изгнанника и держать его въ суровомъ режимѣ. Здѣсь-то на Синаѣ впервые мы и познакомились съ будущимъ „напою и патріархомъ alexandрійскимъ и судіею вселенскимъ“.

Въ 1888 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ четвергъ на первой недѣлѣ великаго поста, изъ Іерусалима черезъ Каиръ. Суецъ и Ранюу, я прибылъ, наконецъ, въ Синайскій монастырь, куда влекло меня горячее желаніе лично ознакомиться съ тѣми рукописными сокровищами по специальности, о которыхъ я имѣлъ самыя общія представленія на основаніи трудовъ епископа Порфирія Успенскаго, архимандрита Антонина, проф. Гардгаузена и проф. Н. П. Кондакова. Весьма радушно и по-братски встрѣченный о. Галактіономъ, экономомъ обители, я былъ помѣщенъ въ одной изъ комнатъ, предназначенныхъ для паломниковъ, посѣщающихъ Синайскій монастырь. Комната эта, не отличавшаяся ни уютностію, ни роскошью обстановки, имѣла одно цѣнное преимущество предъ другими, смежными съ нею, комнатами, а именно окно. выходившее въ монастырскій небольшой садикъ, съ изумитель-

нымъ трудолюбіемъ и любовію обрабатываемый иноками обители, и въ узкую долину, разстилающуюся предъ монастыремъ и ведущую въ знойную пустыню Рахъ, съ которой соединяется такъ много библейскихъ событій. Предоставленный себѣ самому, я безцѣльно побродилъ по ветхимъ галереямъ корпуса для паломниковъ и отъ нечего дѣлать, присѣвъ къ окну, устремилъ свои взоры въ ту долину, которая видѣлась изъ него и которая одна теперь связывала меня съ культурнымъ міромъ... Вскорѣ я замѣтилъ вдали стройную и высокую фигуру инокъ,двигающагося по направленію къ монастырю, въ подрясникѣ, полы котораго для удобства въ движеніи были подоткнуты подъ кожаный поясъ, въ коричнево-соломенной шляпѣ, изъ-подъ которой на лицо падало бѣлое полотно, несомнѣнно защищавшее лицо путника отъ жгучихъ лучей солнца. Заглянувшій по какому то случаю въ мою комнату поваръ-бедуинъ и слуга о. Фотія, увидавъ въ окно приближающагося къ монастырю инокъ, на ломаномъ греческомъ языкѣ проговорилъ за моею спиною: „вотъ и архимандритъ Фотій“! Въ бытность свою въ Іерусалимѣ, въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ, я много слышалъ объ о. Фотіѣ и отъ клириковъ Св. Гроба и отъ покойнаго архимандрита Антонина, а поэтому, при этихъ словахъ бедуина-повара, невольно встрепенулъ и сталъ пристальнѣе вглядываться въ путника, все ближе и ближе подвигающагося къ монастырю.

Вскорѣ быстрыми шагами мимо моей комнаты прошелъ о. архимандритъ Фотій въ свою келлію, которая оказалась почти смежною съ моей комнатою въ томъ же паломническомъ корпусѣ, и я услышалъ докладъ бедуина-повара о моемъ пріѣздѣ въ монастырь. Не прошло послѣ этого и десяти минутъ, какъ въ дверяхъ моей келліи появилась высокая стройная фигура о. Фотія, одѣтаго въ тотъ же черный подрясникъ, но съ полуряскою поверхъ его, въ шелковой скуфейкѣ на головѣ и тяжелыхъ кожаныхъ башмакахъ на ногахъ.

На его симпатичномъ лицѣ, съ глубокими слѣдами нѣкогда перенесенной тяжелой оспы, играла привѣтливая улыбка, свидѣтельствовавшая объ удовольствіи видѣть свѣжаго человѣка. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, о. Фотій закидалъ меня вопросами о томъ, кто я, откуда родомъ, какая цѣль моего прїѣзда, надолго ли я пональ на Синай, откуда держу свой путь и т. д. Узнавъ, что я ѣду изъ Іерусалима и привезу ему письмо отъ о. архимандрита Антонина, о. Фотій, отозвавшись съ рѣшительною похвалою о дѣятельности послѣдняго въ Палестинѣ, быстро покинулъ меня и удалился въ свою келлію, чтобы прочитать это, а равно и другія письма его многочисленныхъ друзей, которыя доставили ему бедуины, привезшіе меня въ монастырь.

Тяжела и сурова была обстановка, посреди которой пришлось жить почти семь лѣтъ невольному затворнику Синайской обители. Синайскій монастырь, заброшенный въ далекую пустыню, сдавленный тисками гранитныхъ скалъ Хорива, Галактіона и Елиститин и холма Іофора, съ кусочкомъ вѣчно однообразнаго голубого неба, въ видѣ покрова, перекинутаго съ вершинъ, стоящихъ другъ противъ друга,—представляетъ изъ себя мрачную тюрьму, насельники которой иногда, томясь однообразіемъ монотонной повседневной жизни внутри обители и отсутствіемъ веселыхъ, ласкающихъ взоръ, картинокъ окружающей ихъ природы, обречены на гнетущую скуку и впадаютъ даже въ ребячество ¹⁾). Ближайшій культурный пунктъ къ Синайской обители—Суецъ отстоитъ

---

¹⁾ Чтобы иллюстрировать нашу мысль, укажемъ на слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ стѣнахъ этой обители среди представительныхъ ея старцевъ, предъ самымъ нашимъ прїѣздомъ. Кому-то изъ этихъ старцевъ пришла въ голову странная идея высчитать, какой потребовался бы канатъ, чтобы его перекинуть съ горы Галактіона и Елиститин на гору Хоривъ и на немъ повѣсить фонарь, который бы освѣщалъ весь монастырь. Эта идея такъ показалась интересною другимъ, что любители математики два вечера употребили на вычисления, а потому не безъ удовольствія рассказывали намъ о прїятномъ времени, проведенномъ за этими вычислениями...

въ пятидневномъ разстояніи нѣшаго прямого пути, ѣзда же на верблюдахъ требуетъ не менѣе шести и даже девяти сутокъ. Общеніе между монастыремъ и Суецомъ не можетъ быть поэтому часто, и газеты, журналы и письма могутъ попадать въ него не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ и при томъ съ значительными интервалами. Внутренняя монастырская жизнь представляла въ данное время весьма мало интереса, благодаря своему однообразію, а главное благодаря почти совершенному отсутствію въ обители людей интеллигентныхъ и живыхъ въ общежитейскомъ смыслѣ этого слова. Игуменъ обители, симпатичнѣйшій и добрѣйшій по характеру, съ свѣтлымъ природнымъ умомъ, обогащеннымъ житейскимъ опытомъ и чтеніемъ книгъ богословскаго и литературнаго содержанія, архіепископъ Синайской горы и Районы куръ *Порфирій* по цѣламъ своей обители жилъ постоянно въ Каирѣ въ тамошнемъ Синайскомъ подворьѣ, именуемомъ Джуваніею. Его мѣсто занималъ до начала 1888 года, въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ, съ званіемъ *дикей*, неутомимый въ исполненіи своихъ обязанностей и богословски образованный, архимандритъ Никифоръ, въ продолженіе семи лѣтъ слушавшій лекціи на богословскомъ факультетѣ въ Мюнхенѣ и много путешествовавшій по Европѣ, но ко времени нашего пріѣзда, по слабости здоровья, покинувшій свой трудный постъ и готовившійся къ отъѣзду въ Россію, въ качествѣ завѣдующаго Синайскимъ подворьемъ въ Тифлисѣ на Кавказѣ. Обязанности дикей и скевофиакса принялъ на себя почтеннѣйшій старецъ, преданнѣйшій сынъ своей обители, которую онъ не покидалъ ни при какихъ обстоятельствахъ, не смотря на заманчивыя для другихъ иноковъ назначенія, и потому всѣми глубоко чтимый и горячо любимый, архимандритъ Григорій, къ глубокому сожалѣнію, въ нашу бытность на Синаѣ, и отошедшій въ вѣчность. Съ нимъ дѣлилъ труды по управленію обителью, не менѣе преданный сынъ ея, „тишайшій“ по характеру и скромнѣйшій въ своихъ

желаніяхъ, простой монахъ, экономя Галактіонъ, надѣленный вмѣстѣ съ тѣмъ природнымъ здравымъ умомъ и несокрушимую силою воли, такъ блистательно обнаруженными¹⁾ имъ въ 1882 году, во время осады монастыря бедуинами, когда происходило извѣстное возстаніе Араби-пани въ Египтѣ. Кромѣ этихъ двухъ старцевъ, стоявшихъ во главѣ обители, остальные иноки, въ количествѣ около двадцати душъ, представляли личностей заурядныхъ и были или глубокими старцами, или новоначальными иноками, находившимся на искуствѣ, или же случайно понавшимъ на Синай, въ виду безвыходности своего положенія (таковы были оба іеромонаха, чередовавшіеся въ отиравленіи богослуженія), и отбывавшими четырехгодичный срокъ жизни въ обители, чтобы потомъ получить въ управленіе одинъ изъ многочисленныхъ метоховъ или подворій Синайской обители и навсегда распрощаться съ нею.

Нѣтъ надобности имѣть живое воображеніе, чтобы представить себѣ, что чувствовалъ и переживалъ въ такой обстановкѣ, среди такихъ людей, молодой, полный силъ, энергій и жажды дѣятельности, образованный, архимандритъ Фотій. Выше всякаго сомнѣнія, человекъ съ слабою волею, съ неустойчивымъ складомъ своихъ убѣжденій, безъ вѣры въ себя и въ правоту своего дѣла, могъ бы при такихъ обстоятельствахъ, въ эти тяжелыя годы испытаній, пасть духомъ, придти въ отчаяніе, затосковать и даже предаться съ горя пороку пьянства, но не таковымъ по нравственному складу своихъ убѣжденій и характеру былъ архимандритъ Фотій. Явившись на Синай, въ качествѣ узника, отданнаго подъ строгій контроль игумена и правящихъ старцевъ, которые должны были бы ограничить и стѣснить его свободу дѣйствій до послѣдней степени, архимандритъ Фотій быстро, благодаря симпатичному характеру и высокимъ нравственнымъ и ум-

¹⁾ Церковн. Вѣд. 1890, № 25; Прав. Палест. сбор. в. 10, Слб., 1888 стр. 21.

ственнымъ качествамъ, подчинилъ всѣхъ своему нравственному вліянію и снискалъ къ себѣ всеобщую любовь въ обители. Архіепископъ синайскій кѣрь Порфирій оказывалъ синайскому узнику истинно братскую любовь, простиравшуюся до того, что дѣлился съ нимъ, какъ намъ хорошо извѣстно, бѣльемъ и другими необходимыми въ житійскомъ обиходѣ предметами. Старцы обители, архимандриты Никифоръ и Григорій и монахъ Галактіонъ, часы досуга своего любили проводить въ пріятной бесѣдѣ съ о. Фотіемъ и мало-по-малу втянули послѣдняго въ жизненные интересы обители настолько, что не предпринимали никакого дѣла, касающагося обители, безъ совѣта съ нимъ. Особенно трогательна была привязанность къ о. Фотію о. эконома Галактіона, который, оставшись, послѣ кончины о. архимандрита Григорія, совершенно одинокимъ, шелъ на духовную бесѣду къ нему по каждому, самому незначительному, вопросу, стараясь въ замѣну всячески облегчить крайне тяжелое матеріальное положеніе узника даже изъ своихъ скромныхъ средствъ... Всѣ остальные иноки обители—старые и юные—подражали примѣру старцевъ: оказывали ему знаки полнаго вниманія и глубокаго уваженія и по всѣмъ интересующимъ ихъ вопросамъ охотно шли къ нему на бесѣду, въ полной увѣренности, что не получаютъ отказа. И о. архимандритъ Фотій любилъ братію Синайской обители, въ свою очередь, горячо и старался не оставаться передъ нею неоплатнымъ должникомъ. Достаточно здѣсь припомнить его непритворную скорбь со всѣми насельниками Синайской обители по поводу неожиданной кончины приснопамятнаго о. архимандрита Григорія, и его самыя горячія хлопоты при этомъ случаѣ, сопряженные съ экстренною поѣздкою въ интересахъ обители въ Эль-Тору или Раиѳу. Но о. Фотій постарался быть полезнымъ для гостепріимной обители и въ другихъ отношеніяхъ.

Синайская обитель, не смотря на отдаленность своего положенія и на трудность пути къ ней, наравнѣ съ Іеру-

салимомъ и Асономъ, издавна служить притягательнымъ пунктомъ для многихъ изъ нашихъ паломниковъ и особенно паломницъ. Предпримчивые паломники, посещающіе достопримѣчательныя мѣста и святыни Синайскаго монастыря, въ большинствѣ случаевъ заявляютъ горячее желаніе поговѣть и пріобщиться Св. Таинъ въ придѣлѣ Неопалимой купины. Такъ какъ никто изъ старцевъ обители, имѣющихъ священныя санъ, ни изъ наличныхъ двухъ іеромонаховъ не знаетъ русскаго языка, то, при исповѣди грѣховъ, приходилось по необходимости ограничиваться чтеніемъ одной разрѣшительной молитвы, тоже, на непонятномъ для исповѣдующихся, греческомъ языкѣ, чѣмъ приводили нашихъ паломниковъ въ смущеніе... О. Фотій, сознавая ненормальность такого порядка вещей въ обители, рѣшился приняться за изученіе русскаго языка, потребность въ которомъ онъ хорошо понималъ и раньше, во время своей службы въ Іерусалимѣ, но удовлетворить которой, за недосугами, онъ не могъ, — чтобы потомъ взять на себя обязанности духовника для нашихъ паломниковъ. Свою рѣшимость онъ осуществилъ съ замѣчательною энергіею и настойчивостію безъ учителя, руководясь въ дѣлѣ изученія русскаго языка лишь учебникомъ по методу Олендорфа. Общеніе съ нашими паломниками и необходимость помочь имъ въ далекой пустынѣ были для него школою въ живомъ разговорномъ языкѣ. И нужно правду сказать, что о. Фотій въ сравнительно короткое время, при существующихъ для него трудностяхъ, далеко ушелъ въ достиженіи намѣченной имъ цѣли. Къ нашему пріѣзду въ обитель онъ уже понималъ свободно русскую рѣчь, могъ вести несложный разговоръ на этомъ языкѣ, читалъ по-славянски отчетливо и толково, а писалъ по-русски такъ правильно орфографически, что привелъ насъ даже въ изумленіе. Благодаря знанію русскаго языка, „батюшка о. Фотій“ (такъ называли его наши паломники) сталъ незамѣнимымъ человѣкомъ на Синаѣ для нашихъ паломниковъ: чрезъ него они получали все необхо-

димое для продовольствія ихъ у обители, при его содѣйствіи, могли вступать въ общеніе съ братією монастыря, онъ ихъ исповѣдывалъ, его устами они слышали понятное слово за богослуженіемъ. въ сопровожденіи его нѣкоторые изъ нихъ посѣщали достопримѣчательныя и священные мѣста въ окрестностяхъ обители ¹⁾, онъ снаряжалъ для нихъ караванъ и заботился о всемъ необходимомъ въ пути, добывая это изъ монастырскихъ складовъ черезъ о. эконома Галактіона, и нерѣдко на день и даже на два выѣзжалъ изъ обители, чтобы сопутствовать имъ въ тяжеломъ пути, и, потомъ, разставаясь съ ними, дѣлалъ самый внушительный наказъ проводникамъ-бедуинамъ всячески беречь и помогать паломникамъ и т. д. Нужно ли послѣ всего этого говорить, что наши паломники, въ большинствѣ случаевъ уже достаточно натерпѣвшіеся всякихъ невзгодъ и лишеній, во время своего долгаго пребыванія въ Палестинѣ, выѣзжали изъ Синайской обители до глубины души тронутыми радушіемъ и гостепріимствомъ ея, а имя батюшки Фотія произносили всюду и всегда съ глубокою благодарностію. Со многими изъ синайскихъ паломниковъ у о. Фотія устанавливались иногда столь дружественныя и тѣсныя духовныя связи, что завязывалась потомъ, по возвращеніи въ Россію, живая перениска, не прекращавшаяся въ теченіе многихъ лѣтъ и привлекавшая довольно часто не скудные ленты въ гостепріимную обитель на ея неотложныя нужды. На нашихъ глазахъ, черезъ посредство о. Фотія, нерѣдко поступали пожертвованія въ обитель и иногда неожиданно щедрья...

Арабскому языку о. Фотій учился еще въ богословской школѣ, но въ совершенствѣ онъ изучилъ его лишь во время синайскаго заточенія. Къ изученію этого языка располагали

---

¹⁾ Гору Хоривъ, вершину Синая, пещеру св. Іоанна Лѣствичника, монастыри сорока мучениковъ и св. 12 апостоловъ и другія мѣста въ долинѣ Рахъ, съ которыми связываются тѣ или иные библейскія событія.

его и полный досугъ во времени, который онъ не желалъ теперь тратить напрасно. и необходимость для своей собственной пользы и для пользы обители вступать въ непосредственное общеніе съ бедуинами. защитниками обители и владыками той пустыни, какая облегаетъ Синайскій монастырь, чтобы чувствовать себя и здѣсь, посреди чуждыхъ ему и полудикихъ людей, свободнымъ и независимымъ. Для постоянной практики въ мѣстно-арабскомъ жаргонѣ, значительно отличающемся отъ жаргона палестинскаго и чистаго арабскаго языка, на которомъ говорятъ въ Египтѣ и Аравіи, онъ взялъ къ себѣ, въ качествѣ повара и слуги, бедуина изъ мѣстныхъ насельниковъ Ахмета, который былъ преданнѣйшимъ рабомъ своего любимаго господина и не покидалъ его ни на одинъ день, во все время его синайскаго заключенія, пользуясь со стороны послѣдняго полною взаимностію и неограниченнымъ довѣріемъ, которымъ, пужно къ слову сказать, иногда употреблялъ и во зло... Черезъ Ахмета и благодаря знанію языка, о. Фотій вошелъ въ самыя дружескія сношенія съ насельниками Синайской пустыни и пользовался среди нихъ глубокимъ уваженіемъ и завидною популярностью. „Святой Фотій“, какъ его называли бедуины, былъ дорогимъ и желаннымъ гостемъ въ каждой палаткѣ, къ нему бедуины съ дѣтскимъ довѣріемъ обращались за разрѣшеніемъ всѣхъ недоумѣнныхъ вопросовъ въ своей несложной бытовой жизни, онъ мирилъ вражду между различными семьями, улаживалъ семейные раздоры и т. п. Пугливныя бедуинскія женщины, обыкновенно избѣгающія общенія съ мужчинами, при встрѣчѣ съ о. Фотіемъ, не бѣжали отъ него, не прятали своего лица и глазъ подъ напковый халатъ, носимый ими на головѣ, но смѣло шли къ нему на встрѣчу, цѣловали изъ почтенія къ нему руку и вступали съ нимъ въ разговоры, сообщая ему о своихъ бѣдахъ и нуждахъ, прося у него нерѣдко медицинскихъ совѣтовъ для себя лично, для членовъ семьи и особенно для дѣтей, такъ какъ считали его свѣдующимъ въ медицинѣ, въ надеждѣ, что авось, можетъ быть, нѣчто и пере-

надеть на ихъ долю изъ его обыкновенно довольно скуднаго кошелька на лекарства. Дикія полунагія дѣтишки бедуиновъ, завидя о. Фотія на монастырской террасѣ или за оградой монастыря, цѣлыми толпами бѣжали за нимъ съ крикомъ: „Гать ѡне халѡу“, т. е. дай сладкаго. П синайскій узникъ, самъ нерѣдко испытывая нужду въ предметахъ первой необходимости, а особенно въ деньгахъ, которыя у него водились, благодаря лишь присылкѣ брата, аѳинскаго врача, и небольшой мздѣ, которую ему вручали за исповѣдь и хлопоты наши сердобольные паломники, раздавалъ все, что у него было подъ руками: деньги, лекарство, вино, остатки бѣлья, платья, конфекты, кусочки сахара и т. д., стараясь никого не обдѣлить, никого не обидѣть. Въ нужныхъ случаяхъ о. Фотій исполнялъ обязанность фельдшера: промывалъ своими руками больные глаза бедуиновъ, накладывалъ горчичники, пластыри, бинты на раны и т. д. Можно ли послѣ всего этого удивляться, если о. Фотій въ дикой пустынѣ чувствовалъ себя также хорошо и безбоязненно, какъ въ городѣ, кочуя съ своею палаткою близъ Краснаго моря иногда въ теченіе цѣлаго лѣта и пользуясь морскими купаньями отъ застарѣлаго и мучительнаго ревматизма. Слава о добродѣтеляхъ „святого Фотія“ и его любви къ арабамъ далеко проникла за предѣлы пустыни Синаѣ, чѣмъ мы и объясняемъ столь единодушное и настойчивое желаніе назаретскихъ христіанъ-арабовъ имѣть у себя архіепастыремъ, послѣ скончавшагося въ декабрѣ 1897 года архіепископа Нифонта, никого другого, помимо высокопреосвященнаго Фотія.

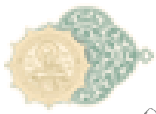
Здѣсь же на Синаѣ о. Фотій задумалъ приняться серьезно за изученіе и литературнаго арабскаго языка, такъ какъ онъ мечталъ въ это время написать обстоятельную исторію Синайскаго монастыря, множество документовъ котораго писаны на этомъ языкѣ. Съ этою цѣлью, съ благословенія старцевъ обители, онъ держалъ при себѣ въ монастырѣ одного ученаго ходжу, на пути изъ Мекки прибывшаго для поклоненія мусуль-

манскимъ святынямъ и на Синаѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ за условленную плату, подъ его руководствомъ, прошелъ курсъ арабской грамматики. Намѣреніе свое написать исторію Синайской обители о. Фотій, какъ намъ извѣстно, не осуществилъ по причинамъ, отъ него независѣвшимъ, но арабскій языкъ онъ изучилъ на Синаѣ весьма хорошо: высокопреосвященный Фотій не только говоритъ прекрасно въ настоящее время на нѣсколькихъ арабскихъ нарѣчіяхъ, но совершенно свободно читаетъ и даже пишетъ по-арабски, что, выше всякаго сомнѣнія, составляетъ драгоцѣннѣйшее преимущество для патріарха александрійской церкви, наства которой едва ли не въ большой части знаетъ и понимаетъ только этотъ языкъ. Архипастырѣ этой церкви, слѣдовательно, можетъ оныя своя глашать и по имени...

Въ заточеніи на Синаѣ о. Фотію пришлось по необходимости освѣжить и свои познанія во французскомъ языкѣ, на которомъ не бойко онъ говоритъ съ дѣтства. Побужденіемъ къ этому послужили неоднократные, въ теченіе семилѣтняго заточенія, пріѣзды въ Синайскую обитель знатныхъ иностранцевъ—ученыхъ и простыхъ туристовъ. Такъ какъ въ обители не было ни одного человѣка, говорящаго на иностранномъ языкѣ, то о. Фотій являлся единственнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ этихъ западныхъ туристовъ съ обитателями Синайскаго монастыря, служа переводчикомъ и путеводителемъ для нихъ въ монастырь и даже въ окрестностяхъ его.

Однимъ словомъ, неловкость первоначальнаго положенія—пришельца посреди своихъ, узника среди надзирателей—мало-по-малу сглаживалась, и о. Фотій слился съ небольшою семьей синайскихъ иноковъ настолько, что чувствовалъ себя, какъ дома, среди присныхъ, былъ желаннымъ и незамѣнимымъ человѣкомъ для обители, и самъ, въ свою очередь, питалъ къ ея насельникамъ самыя искреннія и непритворныя чувства симпатіи и благодарности. Мы застали

на Синаѣ одну семью, сплоченную и живущую единою душою и единымъ сердцемъ.

Нашъ прїѣздъ на Синай нѣсколько нарушилъ обычную монотонную жизнь отшельниковъ этого заброшеннаго въ далекую пустыню монастыря. Галлерей въ паломническомъ корпусѣ стала служить по вечерамъ мѣстомъ, куда, окончивъ мирный иноческій день, и старцы и юноши собирались почти каждый день побесѣдовать съ новымъ человекомъ о разныхъ предметахъ, а чаще всего о политикѣ, до которой страстные охотники всѣ греки, и о нашей русской политической и особенно бытовой жизни. Бесѣды эти нерѣдко затягивались до появленія луны, и прекращались лишь потому, что мы напоминали нашимъ собесѣдникамъ о времени снова продолжать, на время прерванные, занятія. Прїѣздъ на шестой недѣлѣ поста архіепископа синайскаго Порфирія, нѣсколько лѣтъ къ ряду не бывшаго въ управляемой имъ обители, внесъ въ жизнь ея еще болѣе оживленія и далъ намъ возможность ближе ознакомиться какъ съ прекрасными качествами души и сердца этого архіепископа, такъ и съ его трогательнымъ истинно братскимъ отношеніемъ къ своему узнику о. архимандриту Фотію.

Наступившая страстная седмица прошла въ непрерывномъ почти отпраздненіи церковныхъ службъ и въ приготовленіяхъ къ торжеству свѣтлаго Христова воскресенья. Первый день этого праздника, проведенный мною въ первый разъ вдали отъ родины и встрѣченный не безъ грустныхъ размышленій и опасеній, останется для меня во вѣки незабвеннымъ. Въ ночь подъ Пасху горѣли на дворѣ обители плошки съ керосиномъ и костры. Знаменитая юстиніановская базилика съ прекрасными мозаиками въ абсидѣ, убранная лаврами, миртою и живыми цвѣтами, горѣла безчисленнымъ количествомъ огней. Роскошь и блескъ священно-церковно-служительскихъ облаченій и старинной богатой утвари придавали необыкновенный эффектъ дивной базиликѣ. Постѣ

пѣнія владыкою въ царскихъ дверяхъ, принятой на Востокъ, стихиры: „Δεῦτε, λαβετε φῶς“ и возженія свѣчи каждымъ изъ присутствующихъ за богослуженіемъ отъ горящей свѣчи владыки, совершенъ былъ выходъ для начала утрени и чтенія утренняго евангелія о воскресеніи въ притворъ, гдѣ была произнесена и великая ектеня архидіакономъ и владыкою стихи, употребляемые нынѣ у насъ лишь при освященіи храмовъ: „Возмите врата, князи ваши. Кто сей царь славы?“ и проч., съ отвѣтами на нихъ одного изъ клириковъ внутри храма предъ церковными дверьми. Когда, затѣмъ, вошли внутрь храма всѣ молящіеся и священнослужители, то владыка всталъ въ тронъ съ правой стороны и прекраснымъ голосомъ запѣлъ ирмосъ канона: „Воскресенія день“, а я занялъ мѣсто противъ владыки на лѣвой сторонѣ и повторялъ пѣсни канона по-славянски, и такимъ образомъ на двухъ языкахъ мы пропѣли всю утрению до конца. За литургією я прочиталъ по-славянски апостолъ и вмѣстѣ со всею братією приобщился Св. Таинъ. По окончаніи литургіи, прямо изъ храма, утру глубоку, всѣ направились въ общую братскую трапезу для подкрѣпленія, состоявшаго изъ яйца, козьего сыру и чашки горячаго козьего молока.

Въ полдень я былъ приглашенъ на общую братскую трапезу, во главѣ которой возсѣдалъ синайскій архіепископъ съ почетнѣйшими старцами. По окончаніи ястій, когда кубки наполнены были виномъ мѣстнаго производства, архіепископъ, не поднимаясь съ мѣста, произнесъ здравицу въ честь тружениковъ обители и выразилъ свое сердечное удовольствіе по поводу того обстоятельства, что ему пришлось въ этомъ году встрѣчать свѣтлый праздникъ среди дорогихъ ему братьевъ въ родной метаніи (обители). Послѣ владыки, стоя, со всемія приѣмами истаго оратора, звучнымъ голосомъ произнесъ трогательную рѣчь архимандритъ Фотій. Поздравляя игумена-архіепископа и братію съ праздникомъ свѣтлаго Христова воскресенія и выражая отъ лица братіи обители

искреннюю радость по поводу появленія среди нихъ всѣми любимого и желаннаго архипастыря, о. Фотій, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ, что радость эта усугубляется удовольствіемъ видѣть въ средѣ своей представителя далекой, единовѣрной и могущественной Россіи, искони поддерживавшей эту обитель своими нескудными жертвами и доселѣ дающей наибольшій контингентъ паломниковъ сюда. Одушевленную ~~рѣчь~~ рѣчь о. Фотій заключилъ здравицею въ честь Государя Императора Александра III и всего царствующаго дома, русскаго синода и русскаго народа. Сладкогласный псалтъ исполнить съ удивительными трелями „Εἰς πολλὰ ἔτη“. при чемъ вся братія, поднявшись съ своихъ мѣстъ, подпѣвала ему въ унисонъ. На рѣчь о. Фотія, съ позволенія владыки-игумена, отвѣтилъ рѣчью на русскомъ языкѣ (игумень и о. Фотій понимали хорошо, а послѣдній переводилъ нѣкоторыя мѣста ея и для братіи) и я, до глубины души тронутый неожиданнымъ для меня вниманіемъ. Воздавъ глубокую благодарность игумену-архіепископу и братіи за радушный пріемъ и вниманіе, я кратко изложилъ исторію нашихъ сношеній съ Синайскою обителью съ XVI в. до самыхъ послѣднихъ дней, отмѣтивъ выдающіеся факты изъ временъ царствованій Михаила Оеодоровича, Алексѣя Михайловича и Петра I и указавъ на то, что эта обитель всегда приковывала къ себѣ вниманіе особенно нашихъ ученыхъ, благодаря замѣчательному собранію здѣсь манускриптовъ на всѣхъ языкахъ и всегдашней любезности братіи къ попадавшимъ въ нее, въ чемъ и мнѣ наглядно пришлось убѣдиться уже въ теченіе шестинедѣльнаго своего пребыванія.

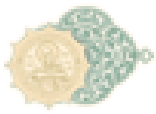
Изъ трапезы всѣ направились въ келлію архіепископа-игумена для принесенія ему поздравленій по случаю праздника и были угощаемы, по-восточному, глико-неро (водою съ вареньемъ), кофе по-турецки, виномъ и фруктами, а затѣмъ разбрелись по келліямъ для отдыха.

„Ударомъ во вся тяжкая“ ¹⁾ въ три часа по полудни всѣ были извѣщены о началѣ вечерни, которая на Востокѣ называется „ἡ δευτέρα ²⁾ ἀνάστασις“ (второе воскресенье) и совершается весьма торжественно съ чтеніемъ евангелія на различныхъ языкахъ и съ христосываніемъ въ концѣ ея. Такъ какъ владыка, по принятому обычаю, шествуетъ къ этой вечернѣ „со славою“, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, то всѣ направились въ келлію архіепископа, чтобы ему сопутствовать. Когда мы вошли въ келлію архіепископа, то застали владыку уже въ богатомъ парчевомъ саккосѣ, унизанномъ жемчугомъ и украшенномъ золотыми дробницами съ изображеніями святыхъ, подаренномъ въ обитель, по преданію, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и въ старинной русской митрѣ, опушенной мѣхомъ,—даръ царя Михаила Оеодоровича ³⁾. Оказалось, что архіепископъ, послѣ моей застольной рѣчи, желая фактически подтвердить все, мною сказанное, и тѣмъ доставить мнѣ удовольствіе, приказалъ скевофилаксу приготовить для вечерняго богослуженія облаченія, принесенныя въ даръ обители русскими царями. Во время вечерни, когда читалось евангеліе на языкахъ греческомъ, арабскомъ, латинскомъ и румынскомъ (одинъ іеромонахъ зналъ и этотъ языкъ), о. Фотій прочиталъ его по-славянски. Вечеръ, по окончаніи вечерни, прошелъ оживленно во взаимныхъ визитахъ.

¹⁾ На Синаѣ въ теченіе всей пасхальной недѣли къ службамъ не звонятъ въ одинъ колоколъ и не ударяютъ въ било, а сразу звонятъ во всѣ колокола и во всѣ била и клепала деревянные и желѣзные.

²⁾ Вечерня пасхальная называется „ἡ δευτέρα ἀνάστασις“ потому, что литургія съ вечернею въ великую субботу именуется „ἡ πρώτη ἀνάστασις“, такъ какъ на этой службѣ поется стихъ: „Воскресни Боже“, во время котораго священникъ, отворивъ царскія двери и, съ корзиною въ рукахъ съ дафнами и цвѣтами, разбрасывая ихъ на право и на лѣво въ народъ, произноситъ: „Χριστὸς ἀνέστη“ („Христосъ воскресъ“).

³⁾ Митра эта имѣетъ на себѣ слѣдующую греческую надпись: „Μιχαὴλ πιστῶς (sic) βασιλεὺς Μοσχολίας ἔρϋ=1642“.

На ооминой недѣлѣ архіепископъ - игуменъ пожелалъ совершить литургію въ храмѣ на вершинѣ горы Синая. Такъ какъ, занятый, со времени своего пріѣзда, въ библіотекѣ, я не имѣлъ времени посѣтить Богосшественный Синай, Хоривъ и другія достопримѣчательныя мѣста, то рѣшилъ не упускать прекраснаго случая—совершить подвигъ, обязательный для каждого паломника на Синай, въ компаніи архіепископа-игумена, архимандрита Фотія и нѣкоторыхъ другихъ иноковъ обители. За литургіею роль пѣвцовъ исполняли о. Фотій и я. За чашею на литургіи, во время великаго выхода, архіепископъ съ колѣнопреклоненіемъ помянулъ имена моихъ родныхъ—живыхъ и почившихъ. По окончаніи литургіи, осмотрѣвъ разсѣлину, находящуюся съ лѣвой стороны храма и признаваемую за разсѣлину, въ которой Моисей узрѣлъ задняя Божія (Исх. XXXIII, 21 -23), и мусульманскую небольшую мечеть, стоящую на томъ мѣстѣ, гдѣ Моисей пророкъ предъ законодательствомъ постился сорокъ дней и сорокъ ночей (XXIV, 18), мы успѣли пить кофе, наскоро приготовленный однимъ изъ послушниковъ. Подъ вліяніемъ созерцаемыхъ красотъ природы и думъ о быломъ библейскомъ прошломъ, происходившемъ на холмахъ у подошвы Синая, никому не хотѣлось нарушить царившей вокругъ насъ глубокой тишины. Молчаніе наше прервалъ о. архимандритъ Фотій, съ глубокимъ вздохомъ произнесшій слѣдующую тираду изъ евангелія Матвея: *Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и каменяши побивающій посланныхъ къ тебѣ* (гл. XXIII, ст. 37). Когда я обернулся въ сторону о. Фотія, то увидалъ на глазахъ, устремленныхъ въ ту точку горизонта, гдѣ, по географическому положенію, долженъ находиться желанный и горячо имъ любимый Іерусалимъ, навевшіяся слезы... Всѣмъ стало понятно, какія мысли, думы и чувства волновали синайскаго заточенника въ данную минуту. Желая прервать нить тяжелыхъ размышленій о. Фотія, архіепископъ Порфирій предложилъ всей компаніи покинуть

вершину Синая, чтобы до знойнаго полудня успѣть попасть на отдыхъ и обѣдъ въ принадлежащій монастырю небольшой монастырекъ сорока мучениковъ.

Такъ какъ синайскій архіепископъ торопился покинуть свой монастырь, чтобы по дѣламъ вернуться снова въ Каиръ, то предположено было вскорѣ, послѣ путешествія на вершину Синая, совершить закладку новой братской усыпальницы съ храмомъ ¹⁾ наверху во имя святого Трифона для служенія въ немъ заупокойныхъ литургій. Прежняя усыпальница темная и крайне убогая пришла въ совершенную негодность и грозила паденіемъ. Нужду въ новой усыпальницѣ чувствовали и сознавали хорошо всѣ, но не было необходимыхъ средствъ для этого предпріятія. Толчекъ къ осуществленію этого заветнаго для каждаго синаита желанія дать постриженникъ обители, Матѳею, епископъ ритимнинскій и авлопотамскій, долгое время прожившій въ ней на покой и оставившій, послѣ своей смерти въ 1884 году, по духовному завѣщанію, небольшую сумму денегъ на это благое дѣло. Въ надеждѣ на помощь Божію и добрыхъ людей обитель и рѣшилась приступить къ постройкѣ, располагая пока самыми скромными средствами. Въ монастырскомъ саду, въ сосѣдствѣ съ старою усыпальницею, было отведено мѣсто подъ новую постройку. Сюда-то въ назначенный день на третьей недѣлѣ по Пасхѣ всѣ иноки обители во главѣ съ игуменомъ-архіепископомъ собрались для совершенія чина закладки новаго храма съ водосвятиемъ. На этомъ торжествѣ присутствовали, по приглашенію, о. архимандритъ Фотій и я. Когда окончилось водоосвященіе и прочитаны были положенныя молитвы на закладку новаго храма, всѣ стали подходить ко кресту, который держалъ архіепископъ. О. архимандритъ Фотій, стоя съ боку архіепископа и имѣя въ рукахъ мѣдный котелокъ

---

¹⁾ Храмъ этотъ сильно пострадалъ, во время страшнаго землетрасенія, происходившаго на Синаѣ въ ночь на 18 декабря 1889 года. Церковн. вѣдом. 1890, № 25, стр. 836.

съ святою водою, кропялъ каждого подходящаго ко кресту святою водою. Послѣ священнослужителей, участниковъ въ совершеніи религіозной церемоніи, я подошелъ ко кресту въ числѣ первыхъ и, обратившись къ о. Фотію для кропленія, быстро опустилъ въ котелокъ пять французскихъ золотыхъ. Это моя неожиданная лепта, какъ слабый знакъ благодарности за радушіе и гостепріимство въ обители, привела въ недоумѣніе и о. Фотія и архіепископа Порфирія, и вызвала съ ихъ стороны протесты. Но я возразилъ на это: „не мѣшайте доброму дѣлу; это,—по нашему русскому обычаю“. Поступокъ мой, неожиданный для всѣхъ, произвелъ глубокое впечатлѣніе и былъ лишь началомъ добраго дѣла. О. архимандритъ Фотій, сейчасть же послѣ этого, доставъ свой кошелекъ, опустилъ *послѣднюю*, имѣвшуюся въ немъ, турецкую лиру (22 франка) въ тотъ же котелокъ. Прочіе братія, подходя ко кресту, слѣдовали нашему примѣру и клали каждый по своимъ силамъ ¹⁾. Къ вечеру отъ архіепископа Порфирія мы узнали, что изъ этихъ скромныхъ лептъ, вмѣстѣ съ щедрою жертвою на то же дѣло о. эконома Галактіона, составилаcя весьма солидная сумма денегъ (около 800 р. на наши деньги). Сумму эту пожертвованій пополнили потомъ довольно значительными вкладами наши русскія паломницы изъ Саратовской губерніи (города Вольска), прибывшія на Синай, дня два спустя послѣ описаннаго торжества, и наслышавшіяся рассказъ объ отмѣченномъ нами энтузіазмѣ иноковъ обители въ день закладки новаго храма. Всѣмъ бывшимъ на Синаѣ особенно памятна щедрая жертва послушницы Матрены, которая, подъ вліяніемъ живыхъ рассказовъ о. Фотія, 25 рублей, съ большими усилиями собранныя на поѣздку въ Бать-градъ къ монахамъ св. Николая, отдала на Синаѣ на построеніе храма усыпальницы въ честь св. Трифона.

¹⁾ Инокіи Синайскаго монастыря, имѣя общую братскую трапезу, на одежду получаютъ по двѣ турецкія лиры, т. е. 44 франка въ годъ.

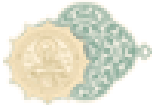
5 июня 1888 года у мѣстныхъ бедуиновъ, именуемыхъ защитниками монастыря¹⁾, праздновался, такъ называемый, „курбамъ-байрамъ“. Для празднованія его бедуины съ своими палатками прикочевываютъ въ долину Рахъ, чтобы быть ближе къ монастырю. На третій день этого праздника, который считается и самымъ торжественнымъ, закалается священная верблюдица, приобрѣтенная въ складчину всѣми членами племени. Прежде закланія верблюдица эта, грива и узда которой убираются разноцвѣтными ленточками и морскими ракушками, старѣйшинами племени съ пѣснопѣніями троекратно обводится кругомъ монастыря, въ знакъ посвященія ея св. Екатеринѣ, которую бедуины чтутъ, какъ одну изъ женъ Магомета, и затѣмъ уже подъ вечеръ почетнѣйшимъ въ племени старцемъ закалается мечомъ. Кровью этой священной верблюдицы глава семьи дѣлаетъ кресты на челѣ каждого члена, а потомъ и на всѣхъ предметахъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ, находящихся въ палаткѣ или близъ нея. Мясо верблюдицы раздается по частямъ во всѣ палатки, гдѣ варятъ его и вкушаютъ за ужиномъ, который на этотъ разъ готовится изъ довольно сытныхъ блюдъ²⁾. Постѣ ужина въ палаткахъ слышатся смѣхъ, говоръ и пѣніе, а когда окружающія долину Рахъ горы дадутъ достаточную лунную тѣнь,

---

¹⁾ Это бедуинское племя выродилось изъ тѣхъ ста семей влашскихъ, которыхъ поселилъ здѣсь императоръ Юстиніанъ, строитель обители, для защиты монастыря отъ набѣговъ и грабителей со стороны другихъ кочующихъ племенъ на Синайскомъ полуостровѣ. Эти влахи были христіанами сначала, но потомъ, подъ всепильнымъ давленіемъ мусульманства, приняли исламъ, хотя и не порвали окончательно и съ традиціями стараго христіанскаго времени. Нынѣ ихъ религіозныя убѣжденія представляютъ странную смѣсь христіанства, магометанства и отчасти даже идолопоклонства.

²⁾ Бедуины питаются очень скудно въ обычное время. Изъ монастыря каждадневно на мужскую душу дается по пяти небольшихъ хлѣбцовъ, хотя бы это былъ и новорожденный младенецъ, а на женскую—по два. Варятъ они уху съ тѣстомъ, выпеченнымъ въ золѣ и растертымъ въ крупинки. Мясо и овощи ѣдятъ рѣдко.

начинаются танцы молодежи. Мужчины танцуютъ на полѣ, освѣщенномъ луною, а дѣвушки прячутся въ тѣнь горъ, чтобы страстію своихъ тѣлодвиженій не подавать повода дѣлать наблюдателямъ заключенія не въ пользу нравственной чистоты намѣреній искусной танцовщицы. Пляски и пѣнія продолжаютъ на этотъ разъ далеко за полночь. Чтобы лично видѣть въ подробностяхъ обрядъ закланія священной верблюдицы, а потомъ и ближе присмотрѣться къ быту этихъ дѣтей пустыни, я упросилъ о. архимандрита Фотія вечеръ и ночь съ 5 на 6 іюня провести со мною въ долину Рахъ. О. Фотій съ полною готовностію отозвался на мое желаніе и доставилъ мнѣ не только возможность видѣть все желаемое, но, что особенно для меня поразительно, наблюдать самыя трогательныя проявленія любезности и вниманія со стороны бедуиновъ по отношенію къ о. Фотію и его компаніонамъ. Мы спали ночь подъ открытымъ небомъ, безъ всякаго опасенія, какъ у себя дома. Утромъ, когда мы возвращались въ монастырь, насъ съ почетомъ проводили старѣйшины племени.

Въ теченіе четырехмѣсячнаго пребыванія на Синаѣ и особенно послѣ Пасхи, когда мы имѣли даже общій столъ, я весьма близко сошелся съ синайскимъ узникомъ, а нынѣ патриархомъ александрійскимъ Фотіемъ Пероглу. За обѣдомъ и ужиномъ, на прогулкахъ въ монастырскомъ саду и въ окрестностяхъ обители я часто бесѣдовалъ съ о. Фотіемъ о вопросахъ науки, религіи и о предметахъ житейскихъ, дѣлился своими планами, открытіями и выслушивалъ, въ свою очередь, его личныя задушевные желанія и убѣжденія. Между нами, такимъ образомъ, установились столь интимныя и дружескія отношенія, что, при разставаніи, на другой день, послѣ выѣзда изъ обители, мы не только по-братски облобызались, но и пролили непритворныя слезы сожалѣнія по поводу печальной разлуки... Здѣсь при послѣднемъ „прости“, высказывая другъ другу самыя наилучшія и дружескія пожеланія, мы дали слово

вести переписку другъ съ другомъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ снова встрѣтиться.

Данное обѣщаніе, по возвращеніи въ Россію въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1888 года, я старался честно выполнить и вступилъ въ переписку съ о. архимандритомъ Фотіемъ, которая продолжалась въ теченіе 1889 и 1890 годовъ. Побужденіями къ перепискѣ служили и нѣкоторые пробѣлы въ моихъ научныхъ занятіяхъ на Синаѣ, замѣченные уже, по возвращеніи въ Россію, съ одной стороны, а съ другой, горячее желаніе о. Фотія имѣть на Синаѣ русскія книги, дающія матеріалъ для исторіи Синайской обители. Я посылалъ ему изъ Россіи книги пр. Порфирія, архимандрита Антонина, проф. Н. П. Кандакова, доктора Елисеева и др., а самъ съ удовольствіемъ получалъ отвѣты на свои недоумѣнія и запросы. Чтобы познать основательно нашихъ читателей съ выдающеюся личностію новоизбраннаго патріарха александрійской церкви Фотія Пероглу, считаю не лишнимъ привести здѣсь цѣликомъ одно изъ первыхъ его писемъ ко мнѣ съ Синая, датированное 19 іюня 1889 года.

„Возлюбленный во Христѣ сыне ¹⁾), господине Алексіе, благодать и миръ да будетъ съ тобою отъ Бога Отца.

„Непрерывное умноженіе скорбей и болѣзней вынудило меня даже до настоящаго дня отложить свой отвѣтъ на любезное твое письмо отъ 17 января, которое я съ радостію получилъ въ концѣ февраля. Въ самомъ дѣлѣ, внезапно тогда, съ начала марта, тяжело заболѣвши ²⁾), я лечился до св. Пасхи, когда, благодареніе Господу, въ постигшей меня болѣзни началось нѣкоторое улучшеніе, продолжающееся, съ помощію Божіею, до сего времени. И хотя я не освобожу себя никоимъ образомъ бѣдами настоящей болѣзни, однако же, спѣшу сослать-

¹⁾ О Фотій былъ моимъ духовнымъ отцомъ во время пребыванія на Синаѣ.

²⁾ Во время синайскаго заточенія о. Фотій страдалъ приступами тяжелого ревматизма.

ся тебѣ, любезнѣйшій, на нее, дабы время моего молчанія не послужило основаніемъ для обвиненія меня несправедливо по отношенію къ тебѣ въ забвеніи словъ и въ пренебреженіи обѣщаній.

„Принося прежде всего благодарность тебѣ за твои наилучшія пожеланія по поводу наступленія новаго года, я взаимно молитвенно желаю тебѣ здоровья, силы и мира въ долготу дней, дабы подвизаться подвигомъ добрымъ общепользительно и богоугодно. Извѣщаю, однако, тебя при этомъ, что и прежде твое желаніе ¹⁾ и настоящее, когда мы уже оканчиваемъ полугодіе, весьма далеко, какъ мнѣ кажется, отстоитъ отъ ожидаемаго осуществленія: благія же надежды, которыя ты считалъ не безосновательными, не ясны, пребываютъ въ глубокомъ мракѣ до настоящаго часа, не освѣщаются даже и слабымъ лучемъ зари. Въ самомъ дѣлѣ въ Іерусалимѣ господствуетъ гоненіе и продолжается бѣдствіе, и каждый день наносятся новые удары церкви. Но, конечно, возлюбленный, возложимъ все это на всепремудрый промыслъ великаго Бога нашего, Который одинъ можетъ направлять премудро ко благу все, что касается святой церкви, и мнѣ даровать силу какъ къ перенесенію съ покорностію множества скорбей, такъ къ безропотному подчиненію Его святой волѣ.

„Изъ всего въ твоемъ письмѣ, что оно заключаетъ, прежде всего я приношу тебѣ, любезнѣйшій, великую благодарность за сообщеніе мнѣ добрыхъ и утѣшительныхъ для меня словъ, бывшаго консула въ Іерусалимѣ, господина Бухарова ²⁾, и про-

¹⁾ Разумѣется пожеланіе. при отъѣздѣ изъ Синайскаго монастыря, скоро видѣть о. Фотія на свободѣ въ Іерусалимѣ.

²⁾ Консулъ Л. Бухаровъ, перемѣщенный изъ Іерусалима въ Стокгольмъ со званіемъ генеральнаго консула, проездомъ въ 1888 г. посѣтилъ Кіевъ и видѣлся со мною. Во время бесѣды, мы очень много говорили и о синайскомъ узникѣ, архимандритѣ Фотіѣ, о которомъ г. Бухаревъ отзывался съ самой лестной для него стороны и обѣщался даже замолвить за него въ Петербургѣ доброе слово. Объ этомъ-то отзывѣ и о данномъ обѣщаніи я и довелъ до свѣденія о. Фотія.

шу тебя засвидѣтельствовать его высокопревосходительству сердечную мою благодарность и извѣстить меня объ адресѣ его, чтобы и я немедленно выразилъ ему мою признательность.

„На основаніи этихъ словъ, въ силу совершенно незаслуженной ко мнѣ симпатіи, ты, возлюбленный, основываешь большія надежды, относительно которыхъ кто нибудь другой могъ бы сказать и весьма многое, но я, убѣжденный уже продолжительнымъ опытомъ, что каждое изъ этихъ ожиданій трудно осуществимо, объ остальныхъ основаніяхъ умолчу, а охотно и отъ сердца благодарю тебя за слова, слышанные тобою изъ устъ его превосходительства, которымъ нужно (радоваться) не за себя самого, потому что клевета (δισβολή) и ложный доносъ (συκοφαντία) не напрасны, не всеу они направили противъ меня всѣ усилія, но за сіонскую церковь, дабы дали ей возможность получить нѣкоторое успокоеніе, и за тѣхъ самыхъ, которые провозглашаютъ повсюду себя самихъ защитниками и друзьями, и, конечно, руководителями, — безразсудные чудодѣи нескончаемыхъ беззаконій въ Іерусалимѣ! Но относительно этого необходимо думать другимъ, намъ же, какъ мнѣ кажется, нѣтъ никакой нужды, лучше предоставить простой молитвѣ.

„Признательность твоя брату моему ¹⁾ свидѣтельствуешь скорѣе о добротѣ твоего сердца, чѣмъ о радушіи его, потому что онъ тотчасъ же писалъ мнѣ изъ Аѳинъ, что былъ глубоко опечаленъ и, въ виду неожиданно постигшаго насъ весьма тяжкаго горя ²⁾, не былъ въ состояніи оказать тебѣ гостеприимство, какъ подобало.

„Всѣмъ здѣсь находящимся братіямъ я передалъ твои привѣтствія, и всѣ они радуются, что ты помнишь священную обитель ихъ. О. экономъ господинъ Галактіонъ, діаконъ

¹⁾ Родной братъ — извѣстный врачъ въ Аѳинахъ.

²⁾ Смерть жены брата-врача отъ родовъ въ августѣ 1888 г.

Нифонтъ¹⁾, монахи Климъ и Даміанъ²⁾ и всѣ прочіе, при-
вѣтствуя тебя, желаютъ тебѣ всего наилучшаго.

„Радуюсь, что въ отчетѣ о своемъ путешествіи на Синай-
скую гору ты вспоминаешь съ похвалою возлюбленнѣйшаго
о. эконома³⁾. Когда же, однако, удостоимся и мы прочесть
этотъ отчетъ? Изданъ ли онъ въ свѣтъ? Если изданъ, то
послалъ⁴⁾ ли ты намъ его оттискъ?“

„Усыпальница въ ноябрѣ прошлаго года окончена уже,
остается только украшеніе храма въ большей части и покры-
тіе его портика. Изъ того, что я слышу, можно надѣяться,
что въ слѣдующемъ августѣ или сентябрѣ совершится освя-
щеніе новаго храма и перенесеніе останковъ⁵⁾).

¹⁾ Діаконъ Нифонтъ, рукоположенный при мнѣ, — помогалъ мнѣ нерѣдко въ
качествѣ переписчика съ рукописей и былъ единственнымъ лицомъ, способнымъ
для этого книжнаго дѣла.

²⁾ Глубокіе старцы, любившіе бесѣдовать со мною, во время вечерняго
отдыха.

³⁾ Отчетъ этотъ составилъ дѣлую книгу и вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ:
„Путешествіе по Востоку и его научные результаты“ 1890. Кіев. Страницы 20 и
24 этого отчета посвящены краткой характеристикѣ „тишайшаго и трудолюбивѣй-
шаго“ о. эконома Галактіона. „Исполняя въ своемъ монастырѣ многія другія обязан-
ности, о. экономъ, въ мое пребываніе въ монастырѣ, писалъ я о немъ, считался
и библіотекаремъ и несъ эти трудныя обязанности съ свойственнымъ ему счи-
реніемъ и любовію ко всякому, возлагаемому на него, дѣлу, лишь бы оно клони-
лось къ пользѣ и славѣ монастыря, изъ котораго онъ не выѣзжалъ въ міръ болѣе
тридцати лѣтъ, и которому онъ обѣщается служить въ суровой расѣ простого
монаха до конца своей жизни“ (стр. 24). О. Галактіонъ года четыре тому назадъ
скончался, и его кости теперь покоятся въ усыпальницѣ, на устройство которой
онъ вложилъ въ свое время щедрую лепту.

⁴⁾ Два экземпляра этого отчета были посланы въ Каиръ на имя синайскаго
архіепископа Порфірія, который письмомъ отъ 19 февраля 1890 г. уведомилъ меня
о полученіи посылки. „Получивъ ваше отъ 21 числа прошлаго мѣсяца письмо,
писалъ намъ по-русски архіепископъ, я снѣшу, въ свою очередь, отблагодарить
васъ какъ за ваши искреннія поздравленія (со днемъ ангела), такъ и за *помин-
ные* экземпляры *вашего* труда „Путешествіе по Востоку“ — мнѣ и на Синай.
Сія послѣдніе два экземпляра, не знаю, впрочемъ, если (sic) получены обителемъ“.

⁵⁾ Т. е. костей прежде почившихъ братій, такъ какъ, по установившемуся
на Востоцѣ обычаю, кости умершихъ, черезъ ~~три~~ года послѣ погребенія, откапыва-
ются и, по омовенію ихъ виномъ, складываются въ усыпальницахъ. Кости эти

„Ты спрашиваешь меня, любезнѣйшій, относительно описанія, или, вѣрнѣе, перечня иконъ ¹⁾). Уже прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ я общалъ тебѣ этотъ перечень, и я имѣю его уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ большей части, но вотъ и теперь вынуждаюсь отложить его высылку еще на пятнадцать дней, конечно, не въ цѣломъ видѣ, но части его. Тогда подробнѣе напишу о немъ.

„Просилъ ты къ тому же еще описаніе, или, лучше, „уставное изложеніе послѣдованія“, совершающейся здѣсь въ недѣлю ваій, литаніи ²⁾), хронологію ми-

называются *мощами* и отличаются отъ мощей въ нашемъ смыслѣ этого слова прибавкою въ послѣднемъ случаѣ эпитета: „*святые* мощи или *святые* останки“.

¹⁾ На Синаѣ мы усердно занимались описаніемъ богатаго собранія старыхъ иконъ самыхъ разнообразныхъ школъ и пошибовъ, находящихся въ базиликѣ и въ прилегающихъ къ ней параклисахъ или придѣлахъ. Краткія свѣдѣнія объ этомъ собраніи мы напечатали въ своей книгѣ: „Путешествіе по Востоку и его научные результаты“ стр 96—116. Предполагая со временемъ описать всѣ иконы, находившіяся на Синаѣ, обстоятельнымъ образомъ и, по недостатку времени, не успѣвъ лично видѣть иконы, которыя имѣются въ многочисленныхъ параклисахъ монастыря, разбросанныхъ внутри его построекъ, мы, при отъѣздѣ съ Синаѣ, просили о архимандрита Фотія составить перечень этихъ иконъ и списать существующія на нихъ надписи художниковъ и жертвователей. О. Фотій выразилъ полную свою готовность на этотъ трудъ, и о немъ онъ теперь говоритъ въ настоящемъ письмѣ. Но, къ сожалѣнію, о. Фотій не сдержалъ въ данномъ случаѣ своего обѣщанія и не выслалъ даже половиннаго перечня этихъ иконъ.

²⁾ На Синаѣ насъ поразила своими исключительными подробностями литанія, совершающаяся тамъ въ вербное воскресенье, въ концѣ утрени. Занимательными ея подробностями, доселѣ нигдѣ на православномъ Востоку не видѣнными мною, я, какъ литургистъ, изучающій современное богослуженіе на Востокъ вообще, не имѣя лично досуга на Синаѣ, просилъ потомъ о. Фотія списать чинъ этой литаніи для меня дословно. О. Фотій исполнилъ мое желаніе, поручивъ сдѣлать копію съ чина этой литаніи (Διάταξις τῆς λιτανίας τῇ χοροῖα τῶν Βατῶν) о. іеродіакону Нифонту. Литанія эта начинается пѣніемъ стихирн: „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра“, во время которой крестный ходъ изъ базилики императора Юстиніана направляется къ *монастырскимъ воротамъ* (εἰς τὴν πόρταν), гдѣ читается первое евангеліе отъ Іоанна (X, 1—9). При пѣніи стихирн на гласъ 2 „Имѣай престолъ небо и подножіе землю“, литанія направляется оттуда въ *параклисъ* (маленькую церковку) *трехъ святителей* (εἰς τοὺς τρεῖς ἱεράρχας), гдѣ читается второе евангеліе отъ Луки (XIX,

тры ¹⁾ и архіерейскаго саккоса ²⁾, въ которыхъ былъ облаченъ высокопреосвященный архіепископъ Синая и Раиѣы господинъ Порфірій и совершалъ воскресную вечерню на Пасху. Точную копію этого послѣдованія ты найдешь, при семъ приложенную, переписанную прендобнѣйшимъ іеродіакономъ Нифонтомъ изъ рукописи, содержащей въ себѣ послѣдованія святымъ и имѣющей въ концѣ слѣдующее замѣчаніе: „Настоящая тетрадь (φυλλάδα) окончена въ лѣто Христова 1843 января 22 рукою ничтожнѣйшаго Парөөнія, монаха синаита. Написана же эта рукопись на Синайской горѣ“. Что же касается хронологическихъ датъ, то посылаю тебѣ на отдѣльномъ листочкѣ одну хронологическую дату митры потому, что саккоса не удалось видѣть ³⁾.

29—40). Съ стихирю на гласъ 2 „Прійдите и мы днесь, весь новый Израиль, яже отъ языкъ церковь, со пророкомъ Захаріею возопіимъ“ литанія совершалась къ параклису святыхъ мучениковъ Сергія и Вакха, и тамъ прочитывалось третье евангеліе отъ Марка (XI, 1—11). Затѣмъ литанія идетъ къ параклису въ честь пяти мучениковъ (εἰς τοὺς πέντε μάρτυρας) съ пѣніемъ стихирь 2 гласа „Честное воскресеніе твое прообразуя намъ, воздвиглѣ еси умершаго, повелѣніемъ твоимъ, бездыханнаго Лазаря друга“, и здѣсь читается четвертое евангеліе отъ Іоанна (XII, 1—8). Далѣе литанія направлялась въ келарню и въ трапезу (εἰς τὴν μέσῃν κελληρίων καὶ τράπεζαν), при пѣніи стихирь 2 гласа „Прежде шести дней Пасхи, прійде Іисусъ въ Виванію“, и тамъ архіерей читаетъ пятое евангеліе отъ Іоанна (II, 1—11). Изъ трапезы крестный ходъ идетъ въ халбопекарню и на мельницу (εἰς τὸν φούρνον καὶ εἰς τὸν μύλον) съ пѣніемъ на „Слава“ стихирь: „Днесь ^{свѣдѣть} Святаго Духа насъ собра“, и здѣсь прочитывается шестое евангеліе отъ Матвея (XIV, 14—22). При пѣніи „нынѣ стихирь самогласныхъ“ на гласъ 4, — „Множество народа, Господи, постылаху на пути рызъ своя“, литанія подходила къ колодцу Моисея (εἰς τὸ πηγάδι τοῦ Μωϋσέως), находящемуся за алтаремъ церкви Неопалимой купины, и здѣсь читается послѣднее седьмое евангеліе отъ Іоанна (XII, 9—18). Съ пѣніемъ стихирь: „Хотяшу тебѣ внити во святыи градъ, Господи“, литанія возвращается „εἰς τὸ ἀλχοῦσέ-γιον“ (?) читаются утреннія стихирь, и поемъ снова стихарю: „Хотяшу тебѣ внити во святыи градъ, Господи“.

¹⁾ Дата митры приведена нами выше съ греческою надписью.

²⁾ Этотъ саккосъ, сдѣланный изъ царскаго верхняго платья, считается даромъ благочестиваго царя Алексѣя Михайловича.

³⁾ Предметы церковно-богослужебные и облаченія, хранящіеся обыкновенно въ скевофиакіи обители, видѣть можно лишь въ то время, когда они вынуты для

„Заключая письмо свое, ты говоришь, что имѣешь и другія просьбы, но откладываешь ихъ до другого раза. Если же, какъ я надѣюсь, ты отвѣтишь мнѣ на мое настоящее письмо, то напиши мнѣ и объ этихъ, оставленныхъ тобою, просьбахъ ¹⁾, дабы, если, конечно, въ состояніи, я постарался о всемъ этомъ скорѣе и обстоятельнѣе.

„Обучающемуся въ вашей Академіи, бывшему профессору Крестной школы, господину Теофилу ²⁾, хотя и совершенно мнѣ неизвѣстному, только, конечно, по имени, но какъ брату во Христѣ, скажи ему и передай, пожалуйста, мое цѣлованіе.

„Все сіе въ отвѣтъ. Къ удивленію твоему, далеко не непріятному, присоединяю здѣсь и извлеченія изъ нѣкоторыхъ писемъ изъ Суэца ³⁾, изъ Іерусалима ⁴⁾, и изъ Россіи изъ Уфы ⁵⁾, дабы ты видѣлъ, что о тебѣ вспоминаютъ черезъ меня не только мои отшельники въ пустынѣ, но и живущія въ

употребленія при богослуженіи, но въ другое время они постоянно находятся въ скевофиакіи, куда входъ возбраняется не только постороннимъ лицамъ, но даже настоятелю обители. Скевофиакія находится въ полномъ распоряженіи завѣдующаго ею скевофиакса.

¹⁾ Архимандритъ Фотій, по моему порученію, списывалъ для меня житіе молчальника лавры пр. Саввы Освященнаго епископа Іоанна изъ синайской рукописи № 494 и нѣкоторые историческіе документы. Въ 1890 году при письмѣ отъ 12 мая черезъ монахиню Фроловскаго кіевскаго монастыря, по моей просьбѣ, прислалъ 5 серебряныхъ колечекъ, освященныхъ на мощахъ великомученицы Еватеріны.

²⁾ Дѣйствительный студентъ Кіевской духовной Академіи, состоящій нынѣ на службѣ въ Петербургской духовной семинаріи въ должности помощника инспектора. О. Теофилъ много трудится надъ переводомъ на греческій языкъ духовно-нравственныхъ сочиненій извѣстныхъ русскихъ богослововъ.

³⁾ Письмо синайской паломницы П. П. Лукьяновой отъ 12 іюня 1888 года, посѣтившей обитель во время моего пребыванія на Синаѣ.

⁴⁾ Письмо отъ 31 октября 1888 г. Т. С. Патрикѣевой, русской уроженки, но много уже лѣтъ живущей въ Іерусалимѣ на подворьѣ Аврааміевскаго монастыря, близъ Св Гроба, и потому хорошо знакомой со многими лицами святогробскаго духовенства.

⁵⁾ Письмо отъ 17 октября 1888 г. отъ Е. К. Павловой. Павлова и Патрикѣева были на Синаѣ одновременно и хорошо познакомились со мною.

міру, русскія поклонницы Синая, благодаря тебя за твои живыя и увлекательныя бесѣды.

„Благодать Господа Нашего Иисуса Христа да будетъ съ тобою во всю твою жизнь. Аминь.

„Усердный во Христѣ молитвенникъ твой, *избранный въ патриархи іерусалимскіе*, архимандритъ Фотій.

„Синай. 19 іюня, 1889 года“.

Наша дружеская переписка съ о. архимандритомъ Фотіемъ, продолжавшаяся два года, должна была прекратиться естественнымъ путемъ. Обострившіяся до крайности отношенія между патриархомъ Никодимомъ и святогробскимъ духовенствомъ вызвали, какъ извѣстно, въ 1888 г. прискорбное покушеніе на его жизнь со стороны монаха одного изъ приіорданскихъ монастырей, а затѣмъ сдѣлали его жизнь въ Іерусалимѣ до такой степени тяжелою и невыносимою¹⁾, что онъ рѣшился поведи (30 іюля 1890 г.) рѣчь объ отставкѣ, которая и была принята турецкимъ султаномъ 19 августа того же года. При выходѣ въ отставку, блаженнѣйшій Никодимъ выговорилъ себѣ у синода сіонской церкви пожизненную пенсію и право жительства до смерти въ святогробскомъ монастырѣ св. Георгія на о. Халки близъ Константинополя, куда вскорѣ потомъ и удалился. Въ Іерусалимѣ, съ удаленіемъ патриарха, начались обычныя въ подобныхъ случаяхъ волненія и тревоги по поводу избранія достойныхъ кандидатовъ на освободившуюся патриаршую кафедру. Въ началѣ октября мѣсяца съѣхались въ Іерусалимъ отсутствующіе палестинскіе епископы—пазаретскій и акрскій и тѣ изъ архимандритовъ патриархіи, которые пользуются правомъ голоса при выборахъ, чтобы принять участіе въ засѣданіяхъ синода

¹⁾ Довольно правильную характеристику дѣятельности патриарха Никодима, во время управленія имъ сіонскою церковью, находимъ въ Церковн. Вѣстн. 1890 г. № 34, стр. 559 и 1891 № 28, стр. 437.

по этому важному вопросу. Споры и пререканія между членами синода о достойных кандидатахъ въ патріархи неожиданнымъ образомъ для многихъ осложнились прибытіемъ въ Іерусалимъ съ Синая архимандрита Фотія, который, узнавъ объ отставкѣ патріарха Никодима, покинулъ мѣсто своего заточенія и отиравился въ Іерусалимъ, чтобы лично принять участіе, какъ членъ святогробскаго братства, въ предстоящихъ выборахъ. „Прибытіе изгнанника Фотія въ Іерусалимъ, пишетъ очевидецъ, бывший псаломщикъ нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ А. П. Поповъ, было большою неожиданностію для членовъ синода и ставило для нихъ очень трудный вопросъ. Нѣкоторые изъ членовъ говорили, что архимандритъ Фотій не получилъ никакого разрѣшенія возвратиться съ Синая, и что его теперешнее пребываніе въ Іерусалимѣ — незаконно. На это изгнанникъ самымъ резоннымъ образомъ отвѣчалъ, что *св. синодъ никогда не посылалъ его въ изгнаніе, напротивъ, семь лѣтъ тому назадъ, члены синода единогласно (большинствомъ?), на трехъ законныхъ собраніяхъ, избрали его въ іерусалимскіе патріархи, что онъ былъ посланъ на Синай единовластно блаженнѣйшимъ Никодимомъ*, настоящее удаленіе котораго даетъ ему возможность, какъ каждому члену святогробскаго братства, жить въ Іерусалимѣ. Нѣкоторые члены синода, желая примирить прежніе выборы Фотія на патріаршій тронъ съ предстоящими выборами патріарха, предлагали первому подписать бумагу, что онъ отказывается отъ кандидатуры въ патріарха. И на это архимандритъ Фотій возразилъ, что не онъ первый долженъ брать перо и подписывать бумагу, а самъ синодъ долженъ устроить, чтобы прежніе законные выборы не имѣли никакого значенія. Члены синода подобнымъ отвѣтомъ были поставлены въ очевиднѣйшее противорѣчіе самимъ себѣ: кого прежде добровольно и законно избрали въ патріархи, того теперь не желали признавать. Резонные отвѣты синоду и симпатичный характеръ архимандрита Фотія

производятъ то, что его партія съ каждымъ днемъ все больше увеличивается“¹⁾). Но всѣ прецѣденты о. Фотія и его сторонниковъ были непродолжительны, такъ какъ всѣ они ясно видѣли, что надеждъ на избраніе въ патріархи архимандрита Фотія нѣтъ никакихъ. И о. архимандритъ Фотій съ своими приверженцами и прочіе члены синода вошли въ соглашеніе между собою и стали подыскивать такое лицо въ патріархи іерусалимскіе, которое бы въ данное время удовлетворяло всѣхъ избирателей, съ одной стороны, а съ другой, имѣло бы всѣ шансы на утвержденіе султаномъ. Такимъ желательнымъ для всѣхъ партій кандидатомъ былъ признанъ образованнѣйшій и прекрасныхъ душевныхъ качествъ патріархъ антїохійскій (1885—1891) Герасимъ, вся первоначальная служба котораго прошла въ Іерусалимѣ. 27 февраля 1891 года избраніе это было утверждено султаномъ, и патріархъ Герасимъ изъ Дамаска переѣхалъ на жительство въ Іерусалимъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго патріарха іерусалимской церкви Герасима было распоряженіе его о возстановленіи архимандрита Фотія, какъ стараго своего сослуживца и даже друга, въ прежнемъ званіи синодальнаго секретаря. Энергичный секретарь, благодаря своей опытности, приобрѣтенной въ той же должности при патріархѣ Героевѣ, скоро же возымѣлъ громадное вліяніе на теченіе дѣлъ въ патріаршемъ синодѣ, сдѣлался, можно сказать, главнымъ двигателемъ всѣхъ жизненныхъ пружинъ сіонской церкви, чему въ значительной степени содѣйствовало и то безграничное довѣріе, какимъ онъ теперь пользовался у новаго патріарха²⁾), по-

¹⁾ Церковн. Вѣстн. 1890, № 50, стр. 820.

²⁾ У о. Фотія съ новымъ патріархомъ установились въ это время и родственныя связи, благодаря женитбѣ его брата, аѳинскаго врача, на родной племянницѣ патріарха Герасима. По всѣмъ даннымъ, бракъ его брата состоялся въ Іерусалимѣ не безъ вліянія и живаго участія въ его устройствѣ архимандрита Фотія.

шатнувшееся здоровье котораго не позволяло ему во многих случаях брать на себя инициативу и направленье часто сложных и разносторонних дѣлъ церкви сіонской. Вліяніе о. Фотія еще болѣе усилилось, когда, по инициативѣ новаго патріарха, была учреждена при патріархіи контрольная финансовая коммиссія¹⁾, вѣдѣнію которой поручалось управленіе святогробскими имѣніями и доходами патріархіи, и предсѣдательство въ этой коммиссіи, по желанію патріарха, было возложено именно на него. Съ свойственною энергіею и настойчивостію о. архимандритъ Фотій такъ искусно повелѣ дѣла въ этой коммиссіи, что въ сравнительно короткое время, къ изумленію многихъ, установилъ строгую отчетность въ веденіи финансовъ патріархіи, отъ чего послѣдняя страдала, часто безденежемъ и громадными долгами, и самые финансы поставилъ въ такое благопріятное положеніе, въ какомъ они доселѣ никогда не были. Само собою разумѣется, такая кипучая, неутомимая и разносторонняя дѣятельность о. архимандрита Фотія и его близость къ патріарху возвысили его въ глазахъ и святогробскаго духовенства, среди котораго, какъ и слѣдовало ожидать, у него было много почитателей, но едвали не болѣе завистниковъ и недоброжелателей.

Изъ сказаннаго ясно, что у о. архимандрита Фотія, посреди многосторонней и кипучей дѣятельности, не могло быть много свободнаго времени на интимную переписку съ прежними друзьями, а потому и наша переписка естественно должна была прерваться. Мы, однакоже, не теряли изъ виду о. архимандрита Фотія и, насколько было возможно, слѣдили за его дѣятельностію въ Іерусалимѣ въ это время. Свѣдѣнія о немъ мы получали и изъ писемъ нашихъ паломниковъ, поселившихся на постоянное жительство въ Іерусалимѣ, и

---

¹⁾ Въ составъ этой коммиссіи вошли, кромѣ предсѣдателя, архимандриты Поликарій, Даміанъ (нынѣ патріархъ) и Мелетій (Церк. Вѣстн. 1891, № 27 стр. 422; № 28, стр. 436).

изъ разсказовъ устныхъ и печатныхъ паломниковъ, возвращавшихся на родину. Въ письмѣ къ намъ изъ Іерусалима отъ 2 марта 1893 года нѣкой Таисіи Семеновны *Патрикеевой*, бывшей паломницы на Синай въ 1888 году и хорошо познакомившейся тамъ съ о. Фотіемъ, мы нашли слѣдующія строки, посвященныя ему. „1 февраля, пишетъ наша корреспондентка, было освященіе храма въ Катерининскомъ (sic) монастырѣ (женскомъ). Освящалъ престолъ патриархъ съ отцемъ архимандритомъ Антониномъ (начальникомъ русской миссіи). Проповѣдь говорилъ отецъ Фотій на греческомъ языкѣ. По окончаніи рѣчи, я о. Фотію сказала: „чтобы вамъ, батюшка, сказать по-русски?“ А онъ мнѣ отвѣтилъ: „въ слѣдующее воскресенье въ Харлампіевскомъ (мужскомъ монастырѣ) скажу“. Да—и не слыхала. Сталъ очень полный и гордый: позабылъ, видно, свою синайскую жизнь“. Зная свою корреспондентку, какъ давнишнюю обитательницу Іерусалима, хорошо знакомую и съ многими представителями святогробскаго духовенства и съ церковными дѣлами, мы не сомнѣвались, что на данной характеристикѣ отразилось вліяніе толковъ объ о. архимандритѣ Фотіѣ его недоброжелателей, а отчасти его удаленіе отъ общенія съ вѣншимъ міромъ. къ которому онъ стоялъ близко, во время синайскаго заключенія.

Другое извѣстіе объ о. Фотіѣ съ глубокимъ интересомъ и полнымъ удовольствіемъ мы прочли въ статьѣ профессора Казанской духовной Академіи С. А. Терновскаго подъ заглавіемъ: „О послѣднихъ дняхъ жизни, кончинѣ и погребеніи настоятеля русской духовной миссіи въ Палестинѣ архимандрита Антонина“. „Во время отиѣванія, по прочтеніи патриархомъ евангелія, архимандритъ іерусалимской церкви Фотій, говорится въ этой статьѣ, *съ величайшимъ и оудушевлениемъ* произнесъ весьма продолжительное и весьма краснорѣчивое слово, въ которомъ съ ораторствомъ церковнаго витія, изобразилъ ученія и административныя заслуги почив-

шаго и скорбь страны палестинской о его кончинѣ“¹⁾. Это краснорѣчивое слово въ русскомъ переводѣ названнаго профессора было напечатано потомъ на страницахъ журнала „Труды Киевской духовной Академіи“. Наиболѣе важными и любопытными словами въ этой рѣчи и для характеристики почившаго архимандрита Антонина и личности самого оратора, архимандрита Фотія, мы считаемъ слѣдующія: „Земля святая, земля обѣтованная, земля, на которой издавна ведутъ борьбу народы, племена и языки изъ-за того, кто на тебѣ славнѣе покажется, земля спасенія, въ которой совершились почитаемыя страданія и слава Спасителя нашего, земля благословенная, въ себѣ имѣющая Назаретъ и Вифлеемъ, Сіонскія горы и Іорданъ, Өаворъ и Галилею, Голгоѳу и Новый Гробъ,—земля освященная, ты скажи намъ и передай исторіи для будущаго о подвигахъ блаженнаго мужа, украшавшаго тебя св. учрежденіями, воздвигшаго тебѣ падшія стѣны, даровавшаго тебѣ божественные храмы, оставившаго тебѣ въ наслѣдство учительскія школы. Можетъ быть я говорю преувеличенно? Но Назаретъ и Хевронъ, Горняя и Елеонская гора, Іерихонъ и Яффа и Палестина вся подтверждаютъ мои слова. Большинство украшающихъ эти мѣста духовныхъ учительскихъ учреждений, учрежденныхъ отъ имени благочестія Россіи, имъ воздвигнуты, и всѣ чрезъ него имѣли поддержку. *Св. Матерь Церквей справедливо почитала сего мужа и справедливо благословляетъ его память*“²⁾. Такая превосходная и совершенно справедливая оцѣнка дѣятельности незабвеннаго нашего настоятеля русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ о. Антонина въ устахъ „архимандрита іерусалимской церкви“ Фотія, отлично знакомаго съ широкою просвѣтительною и строительною дѣятельностію почившаго, сдѣланная, въ присутствіи главы сіонской церкви и несомнѣнно

¹⁾ Труды Киевск. дух. Акад. 1894 т. II, стр. 164.

²⁾ Тамъ же, стр. 189—190.

по его порученію, и предъ лицомъ громадной массы молящихся, и сама по себѣ можетъ считаться высокою и завидною похвалою почившему, но, будучи произнесена у гроба почившаго, по свидѣтельству очевидца-профессора, „съ величайшимъ одушевленіемъ“, эта характеристика говоритъ намъ нѣсколько больше. О. архимандритъ Фотій, очевидно, витійствовалъ надъ гробомъ о. Антонина не „по заказу“ только, но *отъ сердца*, прейсполненного къ почившему глубокой признательности за то горячее сочувствіе, которое проявилъ онъ въ скорбные дни его жизни на Синаѣ въ заключеніи, и передатчикомъ котораго въ свое время пришлось быть намъ.

Въ 1897 году, въ началѣ его, скончался, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, патріархъ Герасимъ, и каеэдра апостола Іакова, брата Божія, вдовствовала. Въ Іерусалимѣ среди святогробскаго духовенства, по обыкновенію, начались споры и волненія¹⁾ относительно выбора достойныхъ кандидатовъ въ преемники почившему патріарху. И на сей разъ, какъ и прежде, имя о. Фотія фигурировало въ списокѣ именъ намѣченныхъ кандидатовъ, но, какъ и можно было ожидать, подверглось снова удаленію изъ него со стороны турецкаго правительства. Въ преемники блаженнѣйшему Герасиму, не безъ усиленнаго старанія со стороны о. архимандрита Фотія и его единомысленниковъ, былъ избранъ 10 іюля того же года, благополучно правящій сіонскою церковью и доселѣ, благостнѣйшій архіепископъ филадельфійскій Даміанъ, долгое время прожившій у насъ въ Россіи въ Тифлисъ, въ качествѣ завѣдующаго тамошнимъ іерусалимскимъ подворьемъ, и предъ самымъ избраніемъ временно управлявшій виолеемскою митрополіею. Въ числѣ первыхъ дѣлъ новаго архипастыря сіонской церкви было замѣщеніе свободныхъ архіерейскихъ каеэдръ. Одну изъ этихъ каеэдръ, а именно каеэдру архіепископа филадельфійскаго, предложено было занять архимандриту Фо-

¹⁾ Объ этихъ волненіяхъ см. Церковн. Вѣдом. 1897 № 35, стр. 1250.

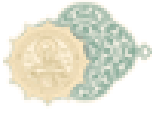
тію, который, къ удивленію многихъ, охотно согласился принять это предложеніе и 6 декабря 1897 года былъ хиротонисанъ.

Избраніе о. Фотія на титулярную кафедру архієпископа филадельфійскаго было со стороны новаго патріарха прежде всего признательностію за ту поддержку, которую оказалъ ему о. Фотій, при его избраніи на престолъ. Это, съ одной стороны. Съ другой, новому владыкѣ сіонской церкви хотѣлось и опираться неутомимую дѣятельность энергичнаго синодальнаго секретаря. Но была, какъ говорятъ, и третья, не невѣроятная, причина, возведеніемъ въ высокій санъ устранить его отъ занимаемыхъ должностей синодальнаго секретаря и предсѣдателя финансовой коммисіи, должностей, исправленіе которыхъ доселѣ связывалось съ саномъ архимандрита, чтобы такимъ образомъ ослабить его вліяніе на ходъ дѣлъ въ синодѣ и на управленіе церковью сіонскою. Но эти расчеты не оправдались, такъ какъ преосвященный Фотій ни отъ одной изъ упомянутыхъ должностей не отказался, и теперь, въ качествѣ уже *члена* и секретаря синода, сталъ оказывать на ходъ дѣлъ церковныхъ такое сильное вліяніе, каковаго онъ не имѣлъ доселѣ.

Въ 1898 году, во время каникулъ, я предпринялъ вторичное путешествіе въ Іерусалимъ съ научною цѣлью, такъ какъ, благодаря неустройствамъ въ патріаршей библіотекѣ въ 1887—88 годахъ, не могъ всесторонне обслѣдовать интересовавшіе меня литургическіе памятники, а поэтому имѣю возможность теперь дополнить характеристику высокопреосвященнаго Фотія новыми фактами, которые мнѣ приходилось лично наблюдать въ эту пору его дѣятельности въ Іерусалимѣ.

Первая встрѣча съ высокопреосвященнымъ Фотиємъ въ это время случайно произошла у меня на вокзалѣ желѣзной дороги въ Яффѣ, куда владыка пріѣзжалъ на нѣсколько дней, *по порученію* патріарха. Встрѣча была радушная, но, какъ

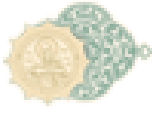

и требовало данное публичное мѣсто, весьма сдержанная. Когда я объяснилъ цѣль своего настоящаго путешествія въ Іерусалимъ, владыка сказалъ мнѣ: „Очень радъ васъ видѣть. Я весь къ вашимъ услугамъ. *Библіотека въ моихъ рукахъ*“.

На второй день, по прибытіи въ Іерусалимъ, я отправился въ патріархію, чтобы сдѣлать визитъ высокопреосвященному Фотію и условиться съ нимъ на счетъ времени, въ которое съ удобствомъ я могъ бы работать въ патріаршей библіотекѣ. Но, постучавшись въ дверь келліи владыки, я услыхалъ изъ устъ его молодого *келейника-араба* отвѣтъ: „владыки нѣтъ дома“. На слѣдующій день я повторилъ свои визиты и утромъ и вечеромъ, и всякій разъ получалъ отъ келейника одинъ и тотъ же отвѣтъ. Это меня начало тревожить. Тогда, въ третій свой приходъ въ патріархію, я оставилъ келейнику свою визитную карточку съ письменною просьбою къ владыкѣ—назначить мнѣ время для свиданія съ нимъ. Карточка эта возымѣла свое дѣйствіе, и на слѣдующій день, когда я постучался въ келлію владыки, то отъ келейника услыхалъ слѣдующій отвѣтъ: „владыка въ библіотекѣ и ждетъ васъ“. Когда потомъ я переступилъ порогъ, завѣтныхъ и хорошо мнѣ знакомыхъ по первому путешествію, дверей патріаршей библіотеки, то въ прихожей ея за столомъ, заваленномъ цѣлыми кипами бумагъ, нашелъ высокопреосвященнаго Фотія съ перомъ въ рукахъ. Владыка сейчасъ же объяснилъ причину, почему я нѣсколько разъ не заставлялъ его въ келліи. Оказалось, владыка, постоянно занятый срочною работою, чтобы избѣжать праздныхъ визитацій, нарочито покинулъ свою келлію, въ которой онъ проводилъ только вечера и ночи, и, наказавъ своему келейнику говорить визитерамъ: „нѣтъ владыки дома“, удалился для занятій въ прихожую библіотеки, которая, кромѣ спокойствія и необходимой при занятіяхъ тишины, представляла и то еще удобство, что въ ней, и въ знойное палестинское лѣто, занимающійся не чувствуетъ невыносимой духоты.

Послѣ этого свиданія съ высокопреосвященнымъ Фотіемъ, я приступилъ къ ученымъ занятіямъ въ патріаршей библіотекѣ, удѣляя на нихъ время по утрамъ съ 8 часовъ до 12 по полудни, и послѣ обѣда съ 3 часовъ, а иногда съ 2 часовъ до 6 или 7 часовъ вечера. Такое количество рабочихъ часовъ въ библіотекѣ я имѣлъ, благодаря любезности и вниманію высокопреосвященныхъ Фотія, архіепископа филадельфійскаго, и Никодима, архіепископа діокесарійскаго, которые, во все трехмѣсячное пребываніе въ Іерусалимѣ, предупреждали всякое мое желаніе и оказывали мнѣ съ готовностію полное свое содѣйствіе. За это время я могъ хорошо познакомиться съ неутомимою кипучею дѣятельностію патріаршаго секретаря, архіепископа Фотія, такъ какъ она проходила на моихъ глазахъ. Утромъ я почти каждый день заставлялъ владыку за своимъ рабочимъ столомъ надъ составленіемъ протоколовъ засѣданій, исходящихъ бумагъ и т. п. Около десяти часовъ его навѣщали члены и сотрудники по финансовой коммисіи и помощники его по секретарской должности, съ которыми онъ совѣщался по текущимъ дѣламъ и давалъ всѣмъ соответствующія распоряженія; ихъ смѣняло духовенство греческое и арабское—городское и сельское—съ разнаго рода просьбами и недоумѣніями, относящимися къ ихъ пастырской практикѣ; далѣе являлись къ нему преподаватели Крестной богословской школы съ запросами изъ области педагогической, и, наконецъ, испрашивали у него нѣсколько минутъ для бесѣдъ знатные иностранцы, зная хорошо, что только здѣсь, у патріаршаго секретаря, они найдутъ положительный отвѣтъ по всѣмъ интересующимъ ихъ вопросамъ. Владыка спѣшилъ по мѣрѣ силъ своихъ cadaго выслушать и каждому дать свой практический совѣтъ, и на это тратилъ время до полудня, когда онъ удалялся на обѣдъ въ патріаршую столовую. Съ двухъ часовъ по полудни владыка снова садился за свой рабочий столъ въ библіотекѣ, и, чтобы избавиться отъ посѣтителей, припиралъ за собою библіотечныя двери, которыя открывались

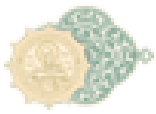

только на неотступные стуки. Уходя изъ библіотеки около семи часовъ вечера, я нерѣдко оставлялъ владыку Фотія за тѣмъ же письменнымъ столомъ съ работою, которая иногда переносилась и въ его келлію, отнимая у него часы сна и отдыха. Особенно кипуча бывала дѣятельность патриаршаго секретаря въ кануны почтъ австрійской и русской, когда архіепископъ Фотій цѣлый день не покидалъ библіотеки.

При такой постоянной и разносторонней дѣятельности у высокопреосвященнаго Фотія было мало свободного времени, а поѣтому вполне естественно, что онъ уклонялся отъ служенія заупокойныхъ литургій на Голгоѣѣ и во Св. Гробѣ, до чего титулярные іерусалимскіе владыки большіе охотники, такъ какъ это даетъ имъ извѣстный доходъ и сближаетъ ихъ съ русскими паломниками, нескучно оплачивающими труды ихъ по личному усмотрѣнію... За все время пребыванія нашего въ Іерусалимѣ архіепископъ Фотій дважды совершалъ литургію, нѣсколько разъ появлялся на молебнахъ въ русскіе высокаторжественные дни и, въ качествѣ замѣстителя патриарха, присутствовалъ на дипломатической панихидѣ по Елизаветѣ, австрійской императрицѣ. По той же причинѣ владыка Фотій не удосужился отдать намъ на русскія постройки палестинскаго общества отвѣтный визитъ, и, при всѣхъ нашихъ встрѣчахъ въ библіотекѣ, ограничивался общимъ самыхъ обыкновенныхъ фразъ вѣжливости: для разговоровъ дружескихъ и интимныхъ съ нимъ у насъ не было времени, и самое мѣсто нашихъ встрѣчъ не располагало къ такимъ бесѣдамъ. Помня хорошо наши прежнія отношенія, я, какъ и наша корреспондентка Таисія Семеновна Патрикѣева, а равно и многіе другіе русскіе паломники, могъ бы упрекнуть теперь высокопреосвященнаго Фотія „въ гордости“ и въ томъ, что „онъ забылъ свою синайскую жизнь“, но, хорошо зная характеръ владыки и его повседневный образъ жизни, я не смѣлъ думать такъ, и мысль о перемѣнѣ его чувствъ ко мнѣ была мнѣ чужда. Факты самые очевидные вскорѣ

показали, что я не ошибался въ своей увѣренности. Тяжелые годы синайскаго заключенія, я убѣжденъ, никогда не изгладятся изъ памяти высокопреосвященнаго Фотія. и горячая признательность къ друзьямъ въ годы его тяжелыхъ испытаній будетъ всегда жить въ его благородномъ сердцѣ, какую бы высокую степень іерархическаго служенія ни указало ему Провидѣніе.

За двѣ недѣли до выѣзда изъ Іерусалима, я неожиданно черезъ діокесарійскаго архіепископа Никодима получилъ приглашеніе блаженнѣйшаго патріарха Даміана—всякій день, по окончаніи занятій, бывать у него на обѣденной трапезѣ, къ которой приглашаются обыкновенно члены синода и близкіе къ патріарху люди. Это любезное приглашеніе патріарха дало возможность за столомъ и по окончаніи его, когда обыкновенно въ рабочемъ кабинетѣ патріарха пили кофе. ближе познакомиться со всѣми главнѣйшими представителями святогробскаго духовенства и побесѣдовать о церковныхъ дѣлахъ. За это время мнѣ представилась и большая возможность бесѣдовать съ высокопреосвященнымъ Фотіемъ и вслухъ многихъ вспоминать разные эпизоды нашей совмѣстной синайской жизни. Но особенно памятенъ для меня канунъ моего отъѣзда изъ Іерусалима. За обѣдомъ патріархъ Даміанъ съ бокаломъ шампанскаго, которое было принесено изъ келліи архіепископа Фотія, пожелать мнѣ здоровья и успѣховъ на ученomъ поприщѣ для блага св. Церкви, а высокопреосвященный Фотій въ одушевленной рѣчи ознакомилъ сотрапезниковъ съ характеромъ самыхъ научныхъ моихъ работъ. Все это глубоко тронуло меня, хотя, какъ оказалось послѣ, было лишь началомъ тѣхъ чествованій, которыя выпали на меня въ этотъ достопамятный день. Послѣ обычного кофе, когда я подошелъ къ патріарху Даміану, чтобы принять его послѣднее благословеніе и поблагодарить за сердечный пріемъ и оказанную мнѣ любезность, то услышалъ отъ него слѣдующія слова: „прошу побывать у меня часа въ четыре. послѣ

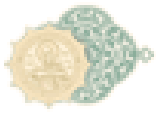
вечерни“. Когда потомъ явился я въ назначенный мнѣ часъ и вошелъ въ кабинетъ патріарха, то засталъ тамъ, къ своему изумленію, и многихъ изъ членовъ синода. Блаженнѣйшій Даміанъ пригласилъ меня въ тронную залу, куда пошли со мною и всѣ члены синода. Здѣсь одинъ изъ секретарей прочиталъ синодальную грамоту о возведеніи меня въ „рыцари (ἱππότης τοῦ παναγίου καὶ ζωοδόχου Τάφου) пресвятаго и живоноснаго Гроба“, а блаженнѣйшій Даміанъ возложить на шею золотой крестъ съ частицею животворящаго Древа. Разтроганный до слезъ неожиданною и высокою честью, принявъ съ благоговѣніемъ драгоценный даръ изъ рукъ архипастыря сіонской церкви, я въ нѣсколькихъ словахъ поблагодарилъ за эту честь членовъ синода и земно поклонился патріарху. Изъ троннаго зала я прямо отправился въ келлію высокопреосвященнаго Фотія, чтобы проститься съ нимъ и отъ души поблагодарить за тѣ милости, которыя неожиданно выпали на меня, такъ какъ я хорошо понялъ, кому главнымъ образомъ я обязанъ высокою честью и драгоценнымъ даромъ, рѣдко выпадающими на долю обыкновенныхъ смертныхъ. Владыка Фотій на это сказалъ мнѣ: „Это потребность моего сердца. Вы получили должное“. Пожелавъ затѣмъ видѣть владыку въ положеніи болѣе высокомъ, чѣмъ настоящее, не подозрѣвая, конечно, что это положеніе отъ займетъ на каѳедрѣ евангелиста Марка, и принявъ его послѣднее благословеніе, я удалился изъ патріархіи.

Вскорѣ, послѣ моего отъѣзда изъ Іерусалима, произошла большая перемѣна въ судьбѣ высокопреосвященнаго Фотія, который, склоняясь на единодушныя и горячія просьбы назаретскихъ христіанъ изъ арабовъ, принять предложеніе синода и патріарха занять каѳедру назаретскаго митрополита, вдовствовавшую съ 28 декабря 1897 года, со дня кончины митрополита Нифонта. Объ этомъ настойчивомъ желаніи назаретскихъ христіанъ видѣть у себя архипастыремъ высокопреосвященнаго Фотія, подъ угрозою не принимать къ себѣ никого

другого изъ іерусалимскихъ архіереевъ греческой національности, я слыхалъ еще во время своего пребыванія въ Іерусалимѣ, но въ согласіи высокопреосвященнаго Фотія на занятіе этой кафедры, въ виду необходимости покинуть Іерусалимъ и жить въ своей резиденціи—Назаретѣ, сомнѣвались въ ту пору рѣзительно всѣ. Но невозможное для личностей менѣе сильныхъ духомъ оказалось вполне возможнымъ для такихъ натуръ закаленныхъ и преданныхъ своему долгу, къ какимъ несомнѣнно принадлежитъ новоизбранный патріархъ александрійской церкви. Высокопреосвященный Фотій, къ удивленію всѣхъ клириковъ сіонской церкви и къ великой радости назаретской паствы, далъ свое согласіе, и въ засѣданіи синода 28 января 1899 года былъ нареченъ „архіепископомъ градовъ Назарета и Каны Галилейской и всей Галилеи“. Не удивительно поэтому, что радость назаретскихъ христіанъ, при вступленіи высокопреосвященнаго Фотія на свою митрополитанскую кафедру, какъ свидѣтельствуешь очевидецъ ¹⁾, не знала границъ. На встрѣчу новому митрополиту, 14 марта, далеко за городъ выѣзжали не только представители и старѣйшины православныхъ христіанъ Назарета, но греко-уніаты, протестанты и даже магометане. Раздѣляли эту радость мѣстныхъ жителей и наши русскіе паломники, прибывшіе ко дню Благовѣщенія въ Назаретъ, принявъ живое участіе въ процессіи, по случаю встрѣчи его въ кафедральномъ соборѣ.

Недолго, однако же, желанному архинастырю пришлось находиться среди горячо любившей его паствы. Не прошло и года со времени вступленія на митрополитичью кафедру высокопреосвященнаго Фотія, какъ Провидѣнію угодно было, чрезъ единодушное почти избраніе клира и народныхъ представителей изъ христіанъ александрійскихъ, призвать его нынѣ на болѣе высокое служеніе на кафедрѣ евангелиста Марка съ почетнымъ титуломъ „вселенскаго судіи и папы“, на ка-

¹⁾ Церковн. Вѣдом. № 24, 1899 г. стр. 960.

едрѣ, которая, благодаря долговременному управленію ею глубокаго старца, покойнаго патріарха Софронія, нуждается въ человѣкѣ полномъ силъ, энергіи и административнаго опыта, какимъ, по единодушному отзыву греческой печати, признается новоизбранный alexandрійскій патріархъ. Въ лицѣ высокопреосвященнаго Фотія избранъ на славную alexandрійскую кафедру, скажемъ словами „Церковнаго Вѣстника“, человѣкъ, „достойный историческаго прошлаго alexandрійской церкви и наиболѣе вѣрный выразитель народно-религіозныхъ нуждъ и чаяній мѣстно-православнаго населенія“¹⁾. Уповаемъ, что новоизбранный alexandрійскій патріархъ, взявъ въ свои опытыя руки кормило правленія церковью alexandрійскою, не забудетъ и сосѣднюю архіепископію Синайской горы и Раионы, нѣкогда радушно пріютившую его у себя, приметъ ее подъ свою защиту и уладитъ тѣ шероховатости, какія существовали въ отношеніяхъ къ ней у покойнаго патріарха Софронія... Да здравствуетъ патріархъ alexandрійскій Фотій на многія лѣта!

Кіевъ. 1900 г. 23 Февраля.

А. Дмитріевскій.

---

¹⁾ Церковн. Вѣстн. 1900 г. № 3.